

САНДРА #1 NEW YORK TIMES
BESTSELLING
AUTHOR
БРАУН
Чужие интриги

Сандра Браун Чужие интриги

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11788562
Браун, Сандра. Чужие интриги: Издательство «Э»; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78869-9

Аннотация

Вся Америка погрузилась в траур: умер маленький сын президента. Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что всему виной неизвестное смертельное заболевание, и только у супруги главы государства возникают подозрения, что жизнь ее ребенка оборвалась вовсе не случайно... Обезумевшая от горя первая леди решает во что бы то ни стало узнать правду и поручает молодой журналистке Барри Трэвис провести независимое расследование. Пытаясь разобраться во всех обстоятельствах этого запутанного дела, Барри попадает в лабиринт тайн и интриг, обнародование которых может стоить девушке жизни...

Ранее роман выходил под названием «Эксклюзив»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	48
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Сандра Браун Чужие интриги

Sandra Brown

Exclusive

Copyright © 1996 by Sandra Brown Management Ltd. First published in the United States by Warner Books, New York.

© Клинова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

– Прекрасно выглядите, миссис Меррит.

– Бросьте! Я выгляжу отвратительно.

Ванесса Меррит и впрямь выглядела хуже некуда, и Барри, сообразив, что ее неуклюжая попытка польстить шита белыми нитками, попыталась сгладить неловкость.

– После всего, через что вам пришлось пройти, вы имеете полное право выглядеть слегка уставшей. Господи, да любая другая женщина на вашем месте, даже я – *особенно* я – была бы и вовсе без сил.

– Спасибо. – Ванесса Меррит рассеянно помешала ложкой капучино. Если бы ее натянутые до предела нервы могли издавать какой-то звук, они бы наверняка дребезжали в унисон позвякиванию ложечки о края чашки. Вздвогнув, Ванесса швырнула ее на блюдце. – Господи! Душу бы продала за сигарету! – простонала она.

До этого Ванесса никогда не появлялась на людях с сигаретой. Барри понятия не имела, что она курит. Хотя... возможно, ее нынешняя нервозность объясняется именно пагубным пристрастием к табаку.

Руки Ванессы пребывали в постоянном движении – она то беспокойно крутила нитку жемчуга, то рассеянным жестом трогала серьги с крупными бриллиантами, и при этом каждую минуту поправляла солнцезащитные очки, скрывающие темные круги и некрасивые «мешки» под глазами.

А ведь именно эти лучистые глаза делали ее особенной. Во всяком случае, до этого дня. Но сейчас в ее наивных, как у ребенка, голубых глазах застыли боль и разочарование. Так мог бы смотреть на мир ангел, с ужасом и содроганием заглянувший в адскую пропасть, разверзнувшуюся у него под ногами.

– Ну, насчет того, чтобы продать душу, – это не ко мне, – усмехнулась Барри. – Что же до сигарет, то с этим никаких проблем. Берите. – вытащив из большой кожаной сумки нераспечатанную пачку сигарет, она через стол протянула ее Ванессе.

Нетрудно было догадаться, что миссис Меррит безумно хочется курить. Ее затравленный взгляд метался по открытой веранде ресторана, где устроились обе женщины. Посетителей было немного – только за одним столиком сидели несколько мужчин, рядом нетерпеливо топтался официант. Однако Ванесса нашла в себе силы справиться с искушением.

– Лучше, пожалуй, не стоит. – Она покачала головой. – Но вы курите. Не стесняйтесь.

– Я не курю. Просто ношу их с собой для тех, у кого беру интервью – чтобы помочь им расслабиться.

– А потом нанести жертве смертельный удар.

Барри расхохоталась.

– Я не до такой степени опасна, как вы думаете. Хотя мне и жаль это признавать.

– Зачем вам это? Вам гораздо лучше удаются сюжеты о том, что интересно обычным людям.

Вот так сюрприз! Выходит, миссис Меррит смотрит ее репортажи.

– Спасибо, – смущенно пробормотала Барри.

– Я считаю, что у вас немало замечательных сюжетов. Например, о человеке, больном СПИДом. А еще репортаж о бездомной женщине, которую вышвырнули на улицу с четырьмя маленькими детьми.

– Помню. За эту работу меня номинировали на журналистскую премию, – о том, что одним из учредителей данной премии была она сама, Барри предпочла скромно умолчать.

– Я даже плакала, – призналась миссис Меррит.

– Я тоже.

– Это было замечательно! Я потом часто гадала, почему у вас нет авторской программы?

– У меня была пара неудач.

Изящно изогнутые брови Ванессы Меррит поползли вверх.

– Это из-за той истории с судьей Грином...

– Вы угадали, – прервала ее Барри. Она терпеть не могла говорить о своих промахах. – Так почему вы позвонили мне, миссис Меррит? Это, конечно, лестно, но, признаюсь, я сгораю от любопытства.

Улыбка на лице Ванессы Меррит мгновенно исчезла.

– Я ведь ясно выразилась, не так ли? – понизив голос, уже совсем другим, серьезным тоном сказала она. – Это не интервью. Вы меня понимаете?

– Разумеется.

На самом деле Барри ничего не понимала. Она понятия не имела, с чего это миссис Меррит вдруг вздумалось ей звонить, да еще приглашать на кофе. Они были едва знакомы – так, кивали друг другу при встрече, и уж совершенно точно не были близкими подругами.

Даже место, выбранное Ванессой для разговора, оказалось неожиданным. Этот ресторан ничем не отличался от десятков других, разбросанных по берегу канала, соединявшего Потомак и бухту Тайдел. Они пользовались популярностью, особенно среди туристов. С наступлением темноты в местных клубах и ресторанах яблоку негде было упасть. Кормили здесь неплохо, однако в будни, да еще в середине дня, эти места обычно пустовали.

Может быть, именно этим и был обусловлен выбор Ванессы?

Барри бросила в стакан кусочек сахара и принялась помешивать кофе, рассеянно поглядывая по сторонам поверх металлической ограды веранды.

День выдался пасмурный. Небо хмурилось, вода в канале приобрела зловещий свинцово-серый цвет. Баржи и яхты у пристани мотало из стороны в сторону. Ветер, пахнувший рыбой и дождем, свирепо трепал холщовый зонт над их столиком. Кто вообще сидит на веранде в такую погоду?

Миссис Меррит еще раз подлила молоко в капучино и наконец решила сделать осторожный глоток.

– Остыл, – пробормотала она.

– Может, еще кофе? – предложила Барри. – Я сейчас позову официанта.

– Нет, спасибо. Я и этот-то с трудом допила. Вся эта идея с кофе... ну, вы понимаете... – Ванесса передернула плечами. И Барри невольно отметила про себя, что ее плечи, некогда аристократически хрупкие, теперь стали попросту костлявыми.

– Просто предлог, да? – подсказала она.

Ванесса Меррит подняла голову. Сквозь темные стекла очков Барри наконец рассмотрела ее глаза. Они не лгали.

– Мне необходимо с кем-то поговорить.

– И вы выбрали *меня*?!

– Ну... да.

– И все из-за того, что парочка моих сюжетов довела вас до слез?

– И поэтому тоже. А еще потому, что вам все это не безразлично. Такое отношение трогает меня до глубины души.

– Что ж, спасибо.

– Видите ли, у меня нет близких друзей. А поскольку мы с вами почти ровесницы, я подумала, что вы сможете меня понять. – Ванесса опустила голову. Прядь густых каштановых волос упала ей на лицо, скрыв от глаз Барри изящно очерченные скулы и подбородок с ямочкой.

– Не могу выразить словами, как я вам сочувствую, – негромко произнесла Барри.

– Я понимаю. И... спасибо. – Покопавшись в сумочке, Ванесса вытащила носовой платок и, быстро приподняв в очки, неловко промокнула слезы. – Просто не понимаю, откуда они берутся, – скомкав мокрый платок, проговорила она. – Я уж думала, что все выплакала.

– Так вы об этом хотели поговорить? – осторожно спросила Барри. – О вашем малыше?

– Его звали Роберт Раштон Меррит, – с неожиданной злостью выпалила Ванесса. – Почему люди избегают произносить его имя?! Ради всего святого, у него ведь было имя! Он целых три месяца был *человеком* – и у него было *имя*!

– Мне кажется... – нерешительно начала Барри.

Но Ванесса не дала ей оправдаться.

– Раштон – это девичья фамилия моей матери, – объяснила она. – Ей было бы приятно узнать, что внука назвали в ее честь.

Уставившись невидящим взглядом на рябь, пробегавшую по поверхности воды, Ванесса заговорила снова. Голос ее звучал безжизненно – казалось, мысли ее витают где-то далеко.

– Мне всегда нравилось имя Роберт. Оно совсем не пафосное, а простое, честное... в общем, настоящее.

Барри слегка опешила – подобные выражения совсем не вязались с утонченным обликом «леди-южанки», какой всегда представлялась ей Ванесса Меррит. Чуть ли не впервые в жизни Барри растерялась настолько, что даже не нашлась, что ответить. Какие слова считаются подходящими в подобной ситуации? Что сказать женщине, только что похоронившей ребенка? *Чудесные были похороны?!*

Внезапно миссис Меррит очнулась.

– Что вам об этом известно?

Ее слова застigli Барри врасплох. Что она хочет этим сказать? *«Вы понимаете, что значит потерять ребенка?»* Или *«Что вы вообще об этом знаете?»*

– Что вы имеете в виду? Вы сейчас говорите о смерти вашего ре... простите, о смерти Роберта?

– Да. Что вам известно о смерти Роберта?

– Ну, об СВДС¹ мало что известно, не так ли? – неловко пробормотала Барри, пытаясь угадать, какой смысл вкладывает в эти слова Ванесса.

Миссис Меррит потянулась за лежавшей на столе пачкой сигарет, хотя только что отказалась от них. Из-за неловких, каких-то судорожных движений она смахивала на марионетку, которую кукловод дергает за веревочки. Она неловко поднесла сигарету к губам, и Барри обратила внимание, как у нее дрожат пальцы. Смущенно отведя глаза в сторону, Барри принялась шарить в сумочке в поисках зажигалки. Ванесса Меррит заговорила после нескольких глубоких затяжек. Но сигарета, похоже, не помогла ей успокоиться, скорее наоборот – Барри показалось, что Ванесса пришла в еще большее возбуждение.

– Роберт спокойно спал в своей кроватке, под головой у него была крохотная подушечка – я уложила его в точности, как меня учили. Все произошло так быстро! Как это могло... – Голос у нее оборвался.

– Неужели вы вините себя?! Послушайте. – Барри осторожно вытащила сигарету из пальцев Ванессы и затушила ее в пепельнице. Потом порывисто сжала ее холодные руки в своих. Она сделала это машинально, но краем глаза заметила, что сидевшие за соседним столиком мужчины удивленно покосились в их сторону.

– То, что ваш ребенок умер, случайность. Каждый год тысячи родителей теряют своих детей из-за СДВС, и нет ни одного, кто бы ни винил в этом себя. Такова уж человеческая

¹ СВДС – синдром внезапной детской смерти – внезапная смерть от остановки дыхания внешне здорового младенца, при которой вскрытие не позволяет установить причину летального исхода.

природа – кого-то винить, когда происходит трагедия. Не повторяйте их ошибку. Не дайте загнать себя в ту же ловушку. Иначе вы долго не сможете вернуться к нормальной жизни.

Миссис Меррит яростно замотала головой.

– Вы не понимаете! Это действительно была *моя* вина! – Даже сквозь темные стекла очков было заметно, как у нее забегали глаза. Выдернув руки из ладони Барри, она уронила их на стол, потом положила на колени, но тут же подняла вверх, чтобы поправить волосы, а затем принялась вертеть чайную ложку. Руки ее словно жили своей отдельной, беспокойной жизнью. – Знаете, последние месяцы беременности были совершенно невыносимыми.

Она зажала рот рукой, как будто даже воспоминание об этих днях причиняло ей мучительную боль.

– Потом родился Роберт. Я надеялась, что станет легче, но вместо этого мне становилось все хуже и хуже. Я не могла...

– Не могли что? Справиться? Но все молодые матери первое время устают и, бывает, не могут справиться с раздражительностью, – попыталась успокоить ее Барри.

Ванесса потеряла ладонью лоб.

– Вы не понимаете, – сдавленным голосом прошептала она. – Никто не понимает. И нет никого, кому бы я могла рассказать. Даже своему отцу. О господи... что мне делать?!

Ее беспомощность и отчаяние настолько бросались в глаза, что мужчина, сидевший за соседним столиком, повернулся и уставился на нее во все глаза. Наблюдавший за ними официант незаметно, бочком придвинулся к их столику – на лице его читалось беспокойство.

– Ванесса, прошу вас, – понизив голос, торопливо пробормотала Барри, – возьмите себя в руки. На нас обращают внимание.

То ли потому, что Барри впервые обратилась к ней по имени, то ли по какой-то другой причине, но это сработало. Миссис Меррит как-то разом успокоилась – слезы вдруг высохли, даже беспокойно метавшиеся руки вновь оказались на коленях. Она одним глотком допила остывший кофе, от которого отказалась еще минуту назад, после чего грациозным жестом промокнула салфеткой бледные, не тронутые помадой губы. Барри изумленно наблюдала за этой неожиданной метаморфозой.

Видимо, миссис Меррит окончательно пришла в себя, потому что ледяным, бесстрастным тоном добавила:

– Надеюсь, вы понимаете, что этот разговор должен остаться между нами?

– Разумеется, – кивнула Барри. – Вы ясно дали мне это понять еще во время нашего телефонного разговора.

– Учítывая, как по-разному мы к этому относимся, думаю, это было ошибкой – договориться о встрече. С тех пор как умер Роберт, я просто сама не своя. Я думала, что мне нужно с кем-то поговорить, но ошиблась. Мне стало только хуже.

– Вы потеряли сына. Вам нужно выговориться, разобраться во всем и понять, почему это произошло. – Барри накрыла рукой ладонь Ванессы. – По-моему, вы слишком суровы к себе. СВДС... Словом, такое иногда случается...

Миссис Меррит сняла темные очки и впервые за все время их разговора посмотрела Барри прямо в глаза.

– В самом деле?

С этими словами Ванесса Амбрюстер Меррит, первая леди Соединенных Штатов, снова нацепила очки, подхватила сумочку и поднялась из-за стола. Сидевшие за соседним столиком агенты службы безопасности поспешно вскочили на ноги. К ним присоединились трое других, все это время старавшихся держаться в стороне.

Окружив первую леди плотным кольцом, они спустились с веранды и подвели ее к ожидавшему возле ресторана лимузину.

Глава 2

Стоя возле автомата с прохладительными напитками, Барри лихорадочно копалась в сумке в поисках мелочи.

– Эй, кто-нибудь! Дайте займы пару четвертаков!

– Только не тебе, радость моя, – промурлыкал проходивший мимо оператор видеозаписи. – Ты и так должна мне семьдесят пять центов.

– Завтра отдам. Клянусь.

– Забудь об этом, сладкая моя.

– Эй, а слышал, что бывает за сексуальные домогательства на рабочем месте? – крикнула она ему вслед.

– А то как же. Сам за это голосовал, – бросил он через плечо.

В конце концов Барри отчаялась найти в сумочке завалившиеся монетки, решив, что диетическая кола не стоит всей этой кутерьмы.

Она прошла через отдел теленовостей – прозрачные перегородки, отделявшие один крохотный офис от другого, придавали ему сходство с каким-то чудовищным муравейником. Пройдя по длинному проходу, она наконец добралась до своего кабинета. Одного взгляда на заваленный бумагами стол было достаточно, чтобы Барри захотелось взять в руки бритву и порезать себе вены. Она зашвырнула сумку поверх бумажных сугробов – несколько журналов шлепнулись на пол. Барри проводила их злобным взглядом.

– Ты хоть что-то из этого читала?

Услышав знакомый голос, она испустила сдавленный стон. Хови Фрипп, редактор отдела новостей и, стало быть, ее непосредственный начальник, был настоящей занозой в заднице.

– Естественно, читала, – храбро соврала она. – От корки до корки.

В свое время Барри подписалась на множество периодических изданий. Журналы прибывали регулярно, их стопки были похожи на небоскребы – потом она потихоньку выкидывала их на помойку – чаще всего непочитанными. Зато она регулярно читала в «Космополитен» свой гороскоп. На большее просто не хватало времени – тем не менее Барри принципиально не отказывалась от подписки. Хорошие журналисты были своего рода наркоманами, более-менее плотно сидевшими на новостной «игле», стараясь читать абсолютно все, что попадало им в руки.

А Барри считала себя очень хорошей журналисткой.

И имела на это полное право.

– Тебя не мучает совесть, что тысячи деревьев должны пожертвовать жизнью, чтобы ты могла заказать все то, что даже не соизволишь пролистать?

– Единственный, кто меня действительно мучает, так это ты, Хови. Кстати, о защите окружающей среды... а как же четыре пачки сигарет, которые ты выкуриваешь каждый день? Это твой личный вклад в загрязнение атмосферы – маленький, но весомый.

– Не говоря уже о том, что иногда я пускаю ветры.

Ух, как Барри ненавидела его мерзкую ухмылку! Точно так же, как презирала скудоумие тех, кто правил бал на телеканале WVUE – малобюджетной, независимой телестудии, старающейся кое-как свести концы с концами и выжить среди гигантов телеиндустрии – и это в Вашингтоне, где никто не мыслит жизни без новостей. Сколько ей пришлось унижаться, чтобы вымолить средства на создание телепередачи, которая только что удостоилась высочайшей оценки из уст самой первой леди! А ведь у Барри было немало и других проектов. Однако руководство канала – и Хови в том числе – придерживалось на этот счет

несколько иного мнения. Все ее проекты были зарублены на корню людьми, которым не хватало ни ума, ни таланта, ни хватки. Нет, ей тут не место.

Но разве не так думает каждый, кто хоть раз в жизни угодил за решетку?

– Спасибо, что напомнил, Хови.

Плюхнувшись на стул, Барри запустила руку в густые волосы. Ее прическа и до того не была шедевром, а порывистый, влажный ветер, за то время, пока они сидели на открытой веранде ресторана, и вовсе превратил ее в некое подобие вороньего гнезда.

Все-таки странное место для встречи.

Не говоря уже о самой встрече.

Что ей было нужно?

По дороге на работу Барри прокручивала в голове странный разговор с первой леди, тщательно взвешивая каждое слово, каждую интонацию, каждый жест Ванессы Меррит, пытаюсь разгадать язык ее тела. В особенности ее тревожил тот последний вопрос, который прозвучал как прощание. Он, словно заноза, засел у нее в голове, не давая покоя. Барри никак не могла взять в толк, что же, собственно, произошло. Вернее, чего *не произошло*.

– Уже проверила почту? – осведомился Хови, вернув Барри к реальности.

– Еще нет.

– Помнишь случай с тигром, сбежавшим из передвижного цирка? Так вот, его нашли. Вернее, куда он не сбегал. Раз нет побега, нет репортажа.

– О нет! – Барри театральным жестом заломила руки. – А я-то уже заранее облизывалась, представляя, какой получится сюжет.

– Да уж, представляешь, какая была бы сенсация? Ведь эта тварь могла бы сожрать человека и вообще натворить дел. – При мысли об упущенной сенсации на лице Хови появилось обиженное выражение – как у ребенка, у которого отняли конфету.

– Это было дерьмовое задание, Хови. Впрочем, как и те, что ты давал мне до этого. Интересно, почему, а? Ты меня невзлюбил или, по-твоему, женщина другого не заслуживает?

– Ой, только не нужно этих феминистских штучек, ладно? Ты что – мужененавистница?

Барри испустила тяжкий вздох.

– Ты безнадежен, Хови.

Безнадежен. Точно! Миссис Меррит тоже, казалось, утратила всякую надежду.

Неожиданно блеснувшая догадка заставила мысли Барри устремиться в другом направлении. Теряя терпение, она повернулась к Хови.

– Послушай, у тебя что-то срочное? Потому что если нет, извини – сам видишь, дел у меня по горло, так что... – Она выразительным жестом указала на бумажные горы, громоздившиеся на столе.

Хови привалился к перегородке, отделявшей ее крохотный офис от соседней клетушки – так Барри мысленно именовала кабинеты сотрудников. Барри незаметно скосила на него глаза – белая рубашка с коротким рукавом, которую он носил круглый год вне зависимости от сезона, и такие же вечные черные брюки, залоснившиеся от долгой носки. Хуже всего были пристегивающиеся галстуки, которые Хови просто обожал. Сегодняшний выглядел особенно удручающе, поскольку заканчивался где-то посреди бочкообразной груди, составляющей нелепый контраст с тощими бедрами и рахитичными, кривыми ногами. Вдобавок на самом конце галстука красовалось жирное пятно.

Каким-то непостижимым образом скрестив одновременно и руки и ноги, Хови откашлялся:

– Нужен хороший сюжет. Ты меня поняла? Тебе за это платят. Например, для вечернего выпуска новостей. У тебя есть что-нибудь подходящее?

– Я тут как раз работала над одним материалом, – туманно пробормотала Барри, включая компьютер, – да только пока ничего конкретного.

– И о чем речь?

– Какая разница? Я ведь сказала – пока ничего конкретного. Рано пока обсуждать – может, вообще ничего не получится.

Миссис Меррит обмолвилась, что последние месяцы беременности были *невыносимыми*. Прозвучало это достаточно резко. Но даже если не обращать внимания на эти слова, достаточно было только взглянуть на нее, чтобы понять, насколько тяжело ей тогда пришлось. А после рождения сына, судя по всему, все стало совсем плохо. *Невыносимо*. Но что она имела в виду? И почему выбор миссис Меррит пал именно на нее, Барри?

Не замечая, что она слушает его вполуха, Хови продолжал свой выговор:

– Послушай, я же не требую от тебя каких-то сенсаций. Здорово, конечно, писать о том, что какой-то псих снес себе выстрелом полчерепа, или о высадке людей на Марс, или об исламских террористах, взявших в Ватикане в заложники папу римского. Но я реалист, и ничего такого от тебя не жду. Просто какая-нибудь маленькая, симпатичная история. Любая. О чем угодно – только бы заполнить шестьдесят секунд паузы между вторым и третьим рекламными роликами. Это все, о чем я прошу.

– Проблема в том, Хови, что ты не видишь дальше собственного носа, – вздохнула Барри. – И не умеешь мотивировать своих подчиненных. Неудивительно, что результат, как правило, оказывается плачевным.

Удар попал в цель – опустив руки, Хови выпрямился во весь рост (пять футов шесть дюймов, и то лишь благодаря особым стелькам, которые он клал в башмаки, что добавляло ему дюйм-другой).

– А знаешь, в чем *твоя* проблема, Барри? Ты мечтаешь прославиться. Хочешь стать второй Дайаной Савьер, да? Так вот, могу тебя порадовать: ты – не звезда. И никогда ею не станешь. Ты никогда не выскочишь замуж за знаменитого режиссера, не создашь собственный новостной канал. Никогда не добьешься ни известности, ни славы, ни доверия в этом бизнесе. А знаешь почему? Да потому, что ты неудачница, и все об этом знают. Поэтому хватит ждать сенсаций – лучше возмись за то, на что хватит твоих способностей. Что я смогу выпустить в эфир. Я ясно выразился?

Барри отключилась сразу после того, как Хови упомянул о звездах. Примерно то же самое он уже говорил ей в тот самый день, когда взял ее на работу – из самых лучших побуждений, как он тогда сказал. При этом не забыв упомянуть, что руководство, мол, потребовало, чтобы он нанял в штат еще одну «дамочку», а Барри, на ее счастье, оказалась еще и «смазливой». С тех пор он повторял это примерно раз в неделю. Три года подряд.

Проверив электронную почту, она обнаружила три новых письма – к счастью, ничего срочного, так что ими можно будет заняться позже. Повернувшись спиной к компьютеру, она поднялась из-за стола.

– В любом случае, для вечернего выпуска уже поздно, Хови. А к завтрашнему утру я что-нибудь состряпаю, обещаю. – Подхватив сумочку, Барри двинулась к выходу.

– Эй! Куда это ты? – всполошился Хови, когда Барри протиснулась мимо него.

– В библиотеку.

– Это еще зачем?

– Ищу информацию, Хови.

Проходя мимо автомата с прохладительными напитками, Барри не упустила случая врезать по нему кулаком. Что-то лязгнуло, и ей в руки упала банка диетической колы.

Барри сочла, что это хороший знак.

* * *

С трудом удерживая под мышкой стопку взятых в библиотеке книг, Барри копалась в сумке в поисках ключей. Наконец они отыскались – отперев заднюю дверь, она протиснулась в дом. И прямо на пороге была встречена пылким, хоть и слюнявым поцелуем.

– Спасибо, Кронкайт. – она машинально вытерла лицо. – Я тоже тебя люблю.

Кронкайта и всех остальных его братьев и сестер собирались усыпить – случилось это как раз в тот день, когда Барри решила, что четвероногий друг намного лучше двуногого, объявившего, что он нуждается в личном пространстве и под этим предлогом навсегда исчезнувшего из ее жизни.

Она тогда немало намучилась, решая, какого щенка оставить себе, однако впоследствии ни разу не пожалела о своем выборе. Со временем Кронкайт превратился в крупного, лохматого пса, чья впечатляющая внешность недвусмысленно говорила о том, что в его жилах течет кровь золотистых ретриверов. Сейчас его большие карие глаза с благоговением следили за хозяйкой, а пушистый хвост молотил ее по ногам.

– Ступай, делай свои делишки, – велела она, выпихнув собаку на задний двор. – Только воспользуйся своей дверью. – Кронкайт заскулил. У Барри вырвался тяжелый вздох: – Ладно, я подожду. Но ты уж поторопись, ладно? Книги уж больно тяжелые.

Пулей вылетев во двор, Кронкайт обежал кусты, с удовольствием задирая ногу и не пропустив ни одного из них, после чего, отгеснив Барри, первым вбежал в дом.

– Ну что ж, давай посмотрим почту, может, найдем что-нибудь интересное, – пробормотала Барри, пробираясь к передней двери, где на полу были кучкой свалены письма. – Счет... еще счет... просроченный счет... Приглашение на обед в Белый дом. – Она покосилась на пса – тот вопросительно склонил голову набок, словно спрашивая, о чем речь. – Проверяю, внимательно ли ты слушаешь, – объяснила она.

Кронкайт последовал за хозяйкой наверх, в спальню, и терпеливо ждал, пока она избавится от делового костюма. Натянув тонкий свитер с индейским рисунком, доходивший ей почти до колен, и толстые шерстяные носки, она пару раз провела расческой по волосам, небрежно стянула их резинкой в «конский хвост», после чего бросила на себя взгляд в зеркало.

– Потрясающе, – буркнула она. После чего, тут же забыв о внешности, сосредоточилась на работе.

За те годы, что она проработала в журналистике, Барри обзавелась огромным количеством информаторов. Кого только среди них не было – клерки, секретарши, неверные любовники, горничные, копы, даже несколько крупных «шишек», время от времени снабжавших ее весьма полезной информацией или хотя бы намеками, в каком направлении копать. Одним из таких «источников» была Анна Чен, работавшая в администрации Центральной окружной больницы. Любопытная и к тому же страшная сплетница, Анна с удовольствием пересказывала Барри все, что слышала в кулуарах больницы, и из этих слухов не раз уже рождались забавные истории. Барри считала ее одним из своих наиболее ценных «источников».

Надеясь застать ее в офисе, Барри отыскала номер Анны в своей записной книжке. Администратор больницы соединила ее с Анной.

– Привет, это Барри Тревис. Рада, что застала тебя!

– А я как раз собиралась уходить. Ты что-то хотела?

– Каковы мои шансы получить на руки копию отчета о вскрытии ребенка Мерритов?

– Это что, шутка?

– Никакой надежды?

– Практически никакой. Прости, Барри, это невозможно.

– Я так и подумала, но решила, чем черт не шутит.

– Для чего тебе это?

Барри состряпала более-менее правдоподобную версию, которая выглядела достаточно невинно, чтобы успокоить Анну. Поблагодарив осведомительницу, Барри поспешно с ней распрощалась, стараясь скрыть свое расстройство. Отчет о вскрытии мог подсказать, о чем пыталась рассказать Ванесса. Впрочем, Барри до сих пор толком не знала, что именно и с какой целью она ищет.

– Что желаешь на ужин, Кронкайт? – бросила она через плечо, спускаясь на кухню. Не дождавшись ответа, Барри открыла шкаф и принялась перечислять вслух его содержимое: – Итак, выбирай: сухой корм или курица с печенкой? – За спиной послышалось разочарованное поскуливание. – Ладно, – сжалилась Барри. – Позвоним в «Луиджи»? – Услышав знакомое слово, Кронкайт облизнулся и принялся бешено вилять хвостом, извиваясь всем телом, словно танцовщица ламбады.

Барри почувствовала угрызения совести – следовало бы выбрать на ужин что-нибудь менее калорийное, но... какого черта? Если торчишь вечерами дома, обрядившись в бесформенный свитер с шерстяными носками, и коротаешь время с собакой, а в перспективе у тебя ничего, кроме работы, то какая разница, наберешь ты лишний килограмм или нет?

Пока Барри заказывала по телефону две пиццы, Кронкайт снова заскулил и принялся царапать дверь, намекая, что неплохо было бы прогуляться еще и перед ужином. Обернувшись, Барри прикрыла трубку ладонью.

– Если тебе приспичило, ступай. Но через собственную дверь!

Кронкайт уставился на вырезанный в входной двери проем – на морде его было написано презрение. Проем был достаточно большой, чтобы пес мог выбраться во двор, но все-таки недостаточно, чтобы им мог воспользоваться грабитель. Продолжая говорить по телефону, Барри выразительно ткнула пальцем в сторону дверцы. Кронкайт с обиженным видом протиснулся наружу. К тому времени, как пес вернулся, Барри уже повесила трубку.

– Пиццу обещали привезти через двадцать пять минут. Если опоздают, мы получим заказ бесплатно, – объявила она.

В ожидании пиццы Барри налила себе бокал мерло и поднялась на третий этаж, где располагался рабочий кабинет. Чтобы приобрести небольшой старинный особняк в фешенебельном районе Дюпон Сёркл, Барри пришлось обналичить свой трастовый фонд. Дом отличался неповторимой архитектурой и при этом был расположен на редкость удачно.

Сначала Барри снимала только верхний этаж, представлявший собой отдельную квартиру. Но когда до окончания срока аренды оставалось всего полгода, владелец перебрался в Европу и предложил ей полностью выкупить здание. Барри тут же превратила три крошечные комнатухи этажа в просторный рабочий кабинет-студию.

Одну из стен полностью занимали видеокассеты. Книжные полки, поставленные одна на другую, тянулись от пола до потолка. Барри хранила тут все свои репортажи, а также записи новостей с важными событиями и все новостные журналы. Записи были расставлены в алфавитном и тематическом порядке. Без труда найдя нужную видеокассету, Барри вставила ее в видеомаягнитофон и стала просматривать запись, неспешно потягивая белое вино из изящного старинного бокала.

Смерть и похороны маленького Роберта Раштона Меррита были записаны во всех подробностях. Случившаяся трагедия казалась несправедливой вдвойне, ведь она произошла не с кем-то, а с Мерритами, чей брак пресса в свое время объявила идеальным.

Президент Дэвид Малькольм Меррит казался отличным примером для любого американского мальчишки, собиравшегося воплотить в жизнь Большую Американскую мечту. Красивый, атлетически сложенный, харизматичный политик.

Ванесса Меррит стала для него идеальной женой. Она была ослепительна. Ее красота и обаяние удачно компенсировали кое-какие небольшие недостатки. Например, ум. И здравый смысл. Может быть, ее и не считали гением, но кого это волновало? Народу нужна была первая леди, которая вызывала бы всеобщую любовь, и Ванесса полностью соответствовала этим требованиям.

Родители Дэвида умерли давным-давно. Других родственников, даже дальних, у него не было. Их отсутствие с лихвой компенсировал отец Ванессы. Клитус Амбрюстер занимал пост сенатора верхней палаты от штата Миссисипи так долго, что всем казалось, будто он так и родился в сенаторском кресле. Он проводил в последний путь столько американских президентов, что уже сам сбился со счета.

Объединившись, они образовали прекрасную троицу, известностью не уступавшую королевской фамилии. Ни разу со времен Кеннеди ни один американский президент и его жена не привлекали к себе столько внимания, ни к кому из них не относились с таким восторженным обожанием, причем не только в Штатах, но и во всем мире. Что бы они ни делали, куда бы ни пошли, вместе или порознь, это всегда расценивалось как сенсация.

Неудивительно, что вся Америка чуть с ума не сошла от счастья, когда газеты объявили, что первая леди ждет ребенка. Этот малыш заранее стал всеобщим любимцем.

Его появлению на свет пресса уделила куда больше внимания, чем операции «Буря в пустыне» или этническим чисткам в Боснии. Барри вспомнила, как, затаив дыхание, смотрела репортаж из Белого дома, когда новорожденного впервые представили общественности. Хови тогда брюзгливо поинтересовался, не слышал ли кто-нибудь, что на Востоке возшла новая яркая звезда.

Но вскоре произошло событие, вызвавшее еще больший шум в прессе. Три месяца спустя было объявлено о смерти сына президента.

Казалось, весь мир был охвачен горем. Никто не хотел в это верить. Америка погрузилась в скорбь.

Барри, допив вино, перемотала пленку и снова внимательно уставилась на экран, уже в третий раз просматривая ту ее часть, которая относилась к похоронам.

Ванесса Меррит, бледная и трагически прекрасная в трауре, казалось, вот-вот сломается. Было ясно, что ее сердце навсегда разбито. Как выяснилось, ей несколько лет не удавалось зачать ребенка – еще одна интимная деталь ее личной жизни, которую пресса вытащила на свет и теперь с упоением обсасывала день за днем. И то, что она потеряла малыша, которого уже почти отчаялась родить, превратило ее в настоящую мать-героиню.

Президент держался изо всех сил, хотя по его осунувшемуся лицу струились слезы – видно было, как они поблескивают на кончиках его аккуратно подстриженных усов. Репортеры без устали повторяли, как он внимателен и заботлив с женой. В этот скорбный день Дэвид Меррит был в первую очередь мужем и скорбящим отцом и только потом президентом.

Сенатор Амбрюстер плакал, вытирая глаза белоснежным носовым платком. Камеры запечатлели момент, когда он положил на гроб внука букет белых роз, а рядом – крошечный флаг штата Миссисипи.

Окажись Барри на месте первой леди, она бы скорее умерла, чем допустила подобный фарс. Она разбила бы камеры и вытолкала бы репортеров в шею, хотя прекрасно понимала, что ее коллеги просто делают свою работу. И все же превратить похороны единственного ребенка в шоу, за которым по спутниковому телевидению с замиранием сердца следит весь мир... просто чудовищно! Как Ванесса Меррит допустила такое? И откуда у нее взялись силы выдержать все это до конца?

Неожиданно в дверь позвонили.

Барри покосилась на часы.

– Проклятье! Двадцать четыре минуты тридцать девять секунд! Знаешь, Кронкайт, – проворчала она, сбегая по лестнице, – мне иногда кажется, что они это нарочно дарят людям надежду, чтобы потом отнять ее!

Пиццу доставил сам Луиджи. Это был тучный коротышка с розовым, мокрым от пота лицом, пухлыми губами и густой порослью курчавых черных волос на груди. Казалось, они перебрались сюда с головы, оставив ее лысой и круглой, как бильярдный шар.

– Мисс Тревис, – он неодобрительно поцокал языком, оглядев ее с головы до ног. – А я-то решил, что вторая пицца для вашего возлюбленного.

– Боже упаси! Та, что с мясом, для Кронкайта. Надеюсь, в ней не слишком много чеснока, а то беднягу от него пучит. Сколько с меня?

– Я просто приписал это к вашему счету.

– Спасибо, Луиджи, – Барри потянулась за коробками – исходивший от них восхитительный аромат привел Кронкайта в неистовство. Обезумевший пес скакал от нетерпения, грозя свалить Луиджи с ног. Круги, которые Кронкайт описывал вокруг пиццы, выпитое натошак мерло и голод сделали свое дело – у Барри закружилась голова.

Однако Луиджи не торопился отдать ей пиццу – видимо, решил вначале высказать, что он обо всем этом думает:

– Вы – кинозвезда...

– Я журналистка, работаю на телевидении в службе новостей, – перебила Барри.

– Одно и то же, – отмахнулся Луиджи. – Вот я и говорю своей хозяйке: «Мисс Тревис – хорошая клиентка. Звонит нам – три-четыре раза в неделю. Заказывает пиццу. Для нас это хорошо, а вот для нее не очень. У нее никого нет». А моя хозяйка, значит, и говорит...

– Что мисс Тревис, возможно, предпочитает одиночество, – закончила за него Барри.

– Нет. Она сказала, что у вас нет времени встречаться с мужчинами, потому что вы слишком много работаете.

– Я встречаюсь с мужчинами, Луиджи. Но всех нормальных уже разобрали, а те, которые остались, либо уже женаты, либо «голубые», либо чокнутые. Но спасибо за заботу. Я тронута. – Барри снова потянулась за пиццей. И опять Луиджи невозмутимо отвел ее руки в сторону.

– Вы хорошенькая, мисс Тревис.

– Да, возможно, но не красавица. Во всяком случае, водители не заглядываются на меня настолько, чтобы на дорогах появлялись «пробки», – пошутила она.

– У вас красивые волосы. Чудесный рыжий оттенок. Прекрасная нежная кожа. И вдобавок изумительные зеленые глаза.

– Луиджи, они карие! Самые обычные карие глаза. – Разве можно их сравнить с глазами Ванессы Меррит, похожими на два бездонных голубых озера?

– Вот тут, правда, маловато. – взгляд Луиджи остановился на ее груди. Барри уже знала по опыту, что если его немедленно не остановить, то конца этому не будет. После груди дойдет очередь и до всего остального. – Но это не страшно, – поспешно добавил он. – Вы просто худенькая.

– И худею с каждой минутой. – Улучив момент, Барри ловко выхватила коробки с пиццей. – Спасибо, Луиджи. Припиши к моему счету чаевые. И привет жене. – Она захлопнула дверь у него перед носом прежде, чем он пустился в новые рассуждения о ее внешности и личной жизни.

Кронкайт скулил, как одержимый, поэтому она быстренько поставила перед ним на пол коробку с пиццей. После чего уселась за кухонный стол, выложила на тарелку вторую пиццу, налила в бокал вина и придвинула поближе стопку взятых в библиотеке книг. Пицца оказалась выше всяких похвал – впрочем, как и всегда. Второй бокал мерло закончился неожиданно.

данно быстро. Может, потому что исследования в области СВДС заставили Барри забыть обо всем на свете.

Однако жажда выяснить, что же произошло, так и осталась неутоленной.

Глава 3

Хови поковырял в ухе ключом от машины. На лице его застыло выражение глубочайшего скепсиса.

– Ну, не знаю...

Барри боролась в желанием вцепиться ему в глотку. Каким-то непостижимым образом Хови, единственному из всех, кого она знала, удавалось пробуждать в ней самые кровожадные инстинкты. И дело было даже не в его омерзительных привычках, и не в его вопиющем шовинизме – больше всего Барри раздражала его ни с чем не сравнимая глупость, узость взглядов и ограниченность.

– Что тебя опять не устраивает? – возмутилась она.

– Просто все это жутко депрессивно, – пробурчал Хови. – Дети умирают прямо в колыбели... кому захочется такое смотреть? Да еще несколько серий подряд? Бррр! – Он даже передернул плечами, показывая, до какой степени это все неприятно.

– Молодым родителям. Будущим родителям. Тем, кто пережил такое. Словом, любому, кого это коснулось и кто хочет больше об этом узнать – а это, как мне кажется, широкая аудитория.

– Спустись на землю, Барри. Наша аудитория – это те, кто смотрит наш канал только потому, что сразу после выпуска новостей начинается их любимый сериал.

Барри изо всех сил старалась взять себя в руки. Если Хови почувствует, как ее бесят его возражения, то превратится в еще большего осла, чем обычно.

– Да, конечно, учитывая тему, репортаж получится невеселый. Но в мои намерения отнюдь не входит сделать нечто сентиментально-слезливое. Я тут пообщалась с супругами, два года назад потерявшими ребенка из-за СВДС. Недавно у них родился второй ребенок, и они не прочь рассказать о том, как им удалось справиться со своим горем.

Барри решительно поднялась из-за стола, давая Хови понять, что тема закрыта.

– Лейтмотивом должна стать уверенность, что горе не вечно. Люди должны понять, что не нужно отчаиваться.

– Ты уже решила, как будешь строить интервью?

– Да, конечно, надеюсь, тебе понравится, – поспешно закивала Барри, надеясь слегка подлизаться. – Сначала составлю подробный план, а уже потом принесу тебе для утверждения. Я уже почти неделю подбираю материал – успела поговорить и с детскими врачами, и с психологами. Знаешь, Хови, по-моему, это очень актуальная тема – учитывая несчастье, произошедшее с малышом Мерритов.

– По-моему, всем уже осточертело пережевывать это событие.

– Я постаралась взглянуть на эту проблему под совсем другим и весьма необычным углом.

И дело тут было даже не в рейтинге передачи. Коммерческая выгода вообще была тут ни при чем. Просто чем больше Барри узнавала о СВДС, тем больше ее завораживала эта страшная и необъяснимая загадка. Но Барри интересовала даже не столько она, сколько ее последствия. И чем больше она погружалась в расследование, тем отчетливее понимала, что рассказать о проблеме СВДС за те девяносто минут, которые ей выделяют, попросту невозможно.

А Хови все никак не мог решиться.

– Ну, не знаю... – протянул он.

Хови уже в который раз пробежал глазами составленный Барри план репортажа, продолжая в задумчивости ковырять в ухе ключом от машины. План был краткий, но при этом

достаточно подробный. Любой тележурналист, даже такой осторожный, как Хови, обеими руками ухватился бы за подобный материал.

Барри мысленно застонала. Она просила лишь о трех вечерних выпусках, которые должны были выйти в эфир в промежутках между сводками новостей. Каждый из этих выпусков касался бы какой-то одной стороны СВДС. Барри была уверена, что если заранее пустить слухок, то от желающих разместить рекламу просто не будет отбоя.

И в итоге – естественно, говорить об этом пока было рано – продюсер новостного канала прямо перед телезрителями выразит ей свое восхищение, после чего предложит ей работу где-нибудь подальше от этой психушки, более известной, как телеканал WVUE.

Рыгнув, Хови извлек из уха ключ и придирчиво осмотрел его со всех сторон. К кончику прилип кусочек ушной серы, и Хови невозмутимо вытер его о верхний лист любовно составленного Барри плана.

– Я уже заручилась согласием миссис Меррит дать мне интервью.

Хови выронил ключ.

– Ты... *что*?!

Естественно, это была ложь. Но Барри решила, что без этого козыря ей не удастся добиться от Хови согласия.

– Вчера мы вместе пили кофе.

– Ты – и первая леди?!

– Совершенно верно. Кстати, это она меня пригласила. И во время разговора я мельком упомянула о том, что собираюсь сделать серию репортажей на эту тему. Ей понравилась моя идея, так что она согласилась рассказать, что она об этом думает.

– На камеру?

Перед мысленным взором Барри появилась Ванесса Меррит, пытающаяся трясущимися пальцами поднести к губам сигарету. Несчастливая, сломленная женщина.

– Естественно, на камеру, – выразительно округлив глаза, с самым честным видом подтвердила она.

– Но в твоих записях по этому проекту ни слова не говорится об интервью с первой леди!

– Я решила, пусть это будет сюрприз.

– Признаю, сюрприз получился что надо, – сухо процедил Хови.

Барри никогда не умела врать. Правда, и Хови лишь с большой натяжкой мог бы считаться знатоком человеческих душ, так что можно было надеяться, что не удастся тут же вывести ее на чистую воду.

Хови нагнулся к ней.

– Если миссис Меррит согласится дать тебе интервью...

– Можешь не сомневаться.

– Но это не значит, что теперь ты не обязана делать ежевечерний репортаж. – с этими словами Хови откинулся в кресле и, не обращая внимания на Барри, почесал в паху.

Барри, мысленно прикинув свои возможности, покачала головой.

– Нет, Хови. Этот проект потребует от меня полной отдачи. Хочу уделить ему максимум внимания.

– Неужели? А я вот хочу трахнуть Шерон Стоун, – заржал Хови. – Извини, детка, в этой жизни редко получаешь то, что хочешь!

* * *

– Барри Тревис.

– Кто?

Первая леди откашлялась, стараясь, чтобы голос звучал твердо, и повторила:

– Барри Тревис. Тележурналистка с новостного канала WVUE.

– Ах да. Она еще так своеобразно говорит, с придыханием. – Дэвид Меррит, президент Соединенных Штатов, проверил колечко, которым крепилась президентская печать. – Обратил на нее внимание на последней пресс-конференции. Ее репортажи о Белом доме обычно вполне доброжелательные, не так ли?

– Да. Несомненно.

– Так что насчет нее?

Ванесса, уже полностью одетая, поднесла к губам бокал белого вина.

– Она сказала, что собирается сделать серию репортажей о проблеме СВДС, и попросила меня дать ей интервью.

Меррит, облачившись в смокинг, придирчиво разглядывал свое отражение в зеркале. В свое время, заняв президентское кресло, он категорически отказался от услуг персонального камердинера. В конце концов, никто лучше него самого не знал, как наиболее выгодно подать себя публике. Покрой смокинга подчеркивал разворот широких плеч и узкую талию. Прическа была безупречна, и это при том, что президент никогда не пользовался ни лаком, ни гелем для волос. Честно говоря, в глубине души он считал, что слегка взлохмаченные, словно от ветра, волосы выглядят более естественно. Президент умудрялся выглядеть непринужденно даже в смокинге, а облачившись в джинсы, смахивал на парня с соседней улицы.

Удовлетворенный увиденным, он повернулся к жене.

– И?

– Сегодня вечером она будет на приеме. Далтон пообещал дать ей ответ.

Далтон Нили занимал в Белом доме должность пресс-секретаря. Дэвид Меррит сам нашел его и долго готовил его к этой работе – вместе со своим советником Спенсером Мартином.

– Официальный запрос поступил из офиса Далтона. – Ванесса извлекла из сумочки пузырек с валиумом и вытряхнула на ладонь таблетку. – Эта Тревис несколько дней подряд пыталась мне дозвониться. Я не брала трубку, но она такая настойчивая.

– Репортер, у которого отсутствует это качество, просто обречен умереть с голоду.

Метнувшись к жене, президент схватил ее за руку и отобрал маленькую желтую таблетку, после чего сунул ее обратно в пузырек, а пузырек – в сумочку.

– Мне это нужно, Дэвид!

– Нет, не нужно. Кстати, с этим тоже пора завязывать. – Забрав у нее из рук бокал с вином, Меррит поставил его на столик. – Тем более что нельзя мешать алкоголь и таблетки.

– Но это только второй бокал!

– Нет, третий. Не лги мне, Ванесса.

– Ну, ошиблась. Подумаешь! Я...

– Когда речь идет об алкоголе, это не ерунда. Так вот, насчет репортерши. Не она загнала тебя в угол – ты сама это сделала. Она бы и не подумала названивать тебе, если бы не твоя дурацкая идея пригласить ее на кофе. Ведь именно так все произошло?

Президенту доложили об их встрече в тот же самый день, поэтому он не был так уж сильно удивлен, когда Барри Тревис попросила его супругу об интервью. Куда больше его беспокоил тот факт, что Ванесса сама, не посоветовавшись с ним, решила встретиться с кем-то из представителей прессы. Ванесса и журналистка – в особенности эта, с весьма сомнительной репутацией, – воистину гремучая смесь, от которой можно ждать любых неприятностей.

– Ты шпионил за мной? – возмутилась она.

– Ванесса, почему ты решила с ней встретиться?

– Мне нужно было с кем-то поговорить! Это что – преступление?

– И ты выбрала для этого журналистку? – Меррит скептически хмыкнул.

– Она послала мне письмо, написала, что соболезнует нашей утрате. Вот я и подумала, что нашла человека, перед кем можно излить душу.

– В следующий раз, когда у тебя возникнет подобное желание, сходи к священнику.

– Не слишком ли много шума из-за чепухи, Дэвид?

– Если это чепуха, почему ты не поговорила со мной?

– Потому что все это было не так уж важно – до того дня, когда она попросила об интервью на камеру. Я искренне считала, что тут нечего обсуждать. К тому же мисс Тревис пообещала, что все, сказанное мной в тот день, останется между нами. Мне просто нужно было... поговорить – как женщина с женщиной, понимаешь?

– Ради всего святого, о чем?

– А то ты не знаешь! – крикнула она.

Ванесса, сорвавшись в кушетки, схватила бокал с вином и жадно выпила.

Президент попытался взять себя в руки.

– Ты не в себе, Ванесса.

– Да, ты прав, черт тебя подери! Я действительно не в себе! Поэтому на сегодняшний прием ты отправишься без меня!

Прием, о котором шла речь, устраивали в честь делегации из скандинавских стран. Он должен был стать первым ее появлением на публике после трагической смерти маленького Роберта. Небольшой официальный прием как нельзя лучше подходил для того, чтобы помочь первой леди вернуться к своим обязанностям. После смерти ребенка она избегала появляться на людях. Но три месяца – достаточный срок для траура. Избиратели должны были убедиться, что она вновь стала такой же, как и прежде.

– Ни в коем случае. Ты идешь со мной, – отрезал президент. – И будешь там первой красавицей. Впрочем, как и всегда.

– Но...

– Никаких «но». Я устал объяснять, почему ты перестала появляться на публике. Мы должны отпустить прошлое, Ванесса. В конце концов, прошло уже три месяца.

– А что, для горя существуют какие-то временные рамки?

Президент сделал вид, что не заметил горечь в ее голосе.

– Послушай, сегодня ты будешь держаться на людях, как подобает настоящей леди. Пусти в ход свое обаяние, улыбайся, и все будет хорошо.

– Ненавижу всех этих людей! Смотрят на меня с жалостью, а сами чувствуют неловкость и явно не знают, что сказать. А когда у кого-то хватает смелости открыть рот, то слышишь очередную банальность, от которой в пору на стенку лезть!

– Просто поблагодари их за сочувствие, и все.

– Боже! – простонала она. В голосе ее слышалась предательская дрожь. – Как ты только можешь...

– Потому что это мой долг, черт возьми! И твой тоже!

Он посмотрел на нее с такой яростью, что Ванесса рухнула на диван как подкошенная и молча уставилась на него во все глаза.

Меррит отвернулся. Когда он снова заговорил, голос его звучал спокойно. Видимо, он смог взять себя в руки.

– Мне нравится твое вечернее платье. Это новое?

Плечи Ванессы дрогнули. Она опустила голову. Глядя на нее в зеркало, президент понял, что она готова сдаться.

– Я похудела, – пробормотала она. – Все остальное висит на мне, как на вешалке.

В дверь негромко постучали. Президент пошел открывать.

– Привет, Спенс. Нас уже ждут?

Спенсер Мартин молча окинул взглядом комнату поверх плеча президента. Заметив Ванессу и стоявший перед ней пустой бокал, он слегка поморщился.

– Вы готовы? – вопросом на вопрос ответил он.

Президент сделал вид, что не заметил сомнения в голосе первого советника.

– Ванесса немного волнуется – как актриса, которой предстоит выйти на сцену. Ничего страшного, она справится.

– Может, мы зря торопим ее? Что, если она еще не готова появиться на публике?

– Вздор! Она готова. – он повернулся к жене. – Идем, дорогая.

Ванесса поднялась на ноги и медленно направилась к ним, не поднимая глаз.

Одним из полезных качеств Дэвида было умение не замечать того, чего он не хотел видеть – в данном случае это была неприязнь, которую его супруга и советник испытывали друг к другу. Однако не заметить повисшую к комнате неловкую паузу было сложнее.

– Спенс, ну скажи, что она чудесно выглядит? – пытаюсь разрядить обстановку, воскликнул он.

– Совершенно согласен с вами, господин президент.

– Спасибо, – с натянутой улыбкой пробормотала Ванесса. Они вышли в коридор, и она послушно взяла мужа под руку. – Что Далтон ответит Барри Тревис? – спросила она.

– Барри Тревис, журналистке? – вмешался Спенсер. – А в чем дело? – Он вопросительно глянул на президента.

– Барри Тревис обратилась к Далтону с просьбой организовать ей интервью с Ванессой.

– Какая тема будет у интервью?

– СВДС, – лаконично бросил президент.

* * *

Барри трещала без умолку. Речь ее лилась легко и свободно – как вода из сломанного пожарного гидранта.

– Я шла через толпу почетных гостей под руку с приятелем. Нет, нет, ничего такого! Кстати, он гей. У нас с ним, так сказать, взаимовыгодное соглашение. Видишь ли, ему прислали приглашение на прием, и ему позарез нужна была спутница, а у меня таким образом появился предлог поговорить с первой леди. Как бы там ни было, я шла через толпу гостей, старательно изображая пресыщенную светскую львицу. И когда поравнялась с президентом, он взял меня за руку – да-да, клянусь богом, так оно и было! – и улыбнулся. – «Мисс Тревис, – сказал он. – Спасибо, что нашли время. Мы рады видеть вас в Белом доме. Вы сегодня просто ослепительны».

Ну, слово в слово я, конечно, не запомнила, но суть в том, что он разговаривал со мной не как с малознакомым человеком и уж точно не как с обычной журналисткой. Клянусь, будь я даже Барбарой Уолтерс, он и тогда бы не устроил мне более радушного приема!

Кронкайт душераздирающе зевнул, потом потянулся, устраиваясь поудобнее на кровати Барри.

– Тебе скучно? – спросила Барри, которая как раз в этот момент сделала коротенькую паузу, чтобы перевести дух. – Послушай, ты, похоже, не понимаешь, насколько это важно. Ведь у меня появился шанс взять у первой леди эксклюзивное интервью – кстати, первое с того дня, как она потеряла ребенка. Удивительно, но президент сам заговорил об этом. Сказал, что миссис Меррит сообщила ему о моем желании сделать серию репортажей о СВДС. Он похвалил меня, сказав, что это отличная идея и что он сам предложил супруге поучаствовать в проекте. По его словам, люди должны знать об этой страшной проблеме. После чего пообещал, что и он и миссис Меррит готовы оказать мне поддержку. Знаешь, я

была... Даже не знаю, как объяснить... Короче, будь это секс, я бы сказала, что испытала множественный оргазм.

Барри забралась в постель и вытянулась рядом с Кронкайтом, нахально занявшим две трети кровати и ясно давшим понять, что не сдвинется ни на сантиметр. Кое-как пристроившись на краешке постели, Барри сонно пробормотала:

– Эх, жалко, Хови не видел!

Глава 4

Телевизор был включен, однако он не вслушивался, пока звук знакомого голоса не заставил его высунуть голову из ванной, где он умывался холодной водой. Поспешно сдернув с вешалки полотенце, он бросился в спальню.

– ...которая, к несчастью, коснулась и вас с президентом Мерритом наряду с тысячами других супружеских пар.

Голос казался знакомым, однако он не узнал журналистку. Ей было около тридцати, может, чуть больше. Густые рыжевато-каштановые волосы, едва доходившие до плеч, широко расставленные глаза и пухлые губы придавали ей весьма соблазнительный вид, хотя в данный момент губы эти были скорбно поджаты. Чуть хрипловатый, волнующий голос и манера четко выговаривать слова резко выделяли ее среди толпы журналистов новостных каналов – большинство ее коллег разговаривали так, словно закончили одну и ту же школу дикции, где их учили подавлять какие-либо эмоции. В углу телеэкрана появилось ее имя. *Барри Тревис*. Это имя не вызвало у него никаких воспоминаний.

– Мы с президентом были потрясены, впервые узнав, скольким семьям пришлось пережить подобную трагедию, – заговорила Ванесса Меррит. – Пять тысяч детских смертей каждый год – и это только в нашей стране!

Эти лицо и голос Грей Бондюран узнал бы где и когда угодно, хотя ему было ясно, что первую леди подготовили, объяснив, как ей следует держаться на публике, особенно когда даешь интервью. Руки ее были аккуратно сложены на коленях, и, как показалась Грею, Ванесса старательно следила, чтобы ее лицо, когда она говорит, все время оставалось бесстрастным.

Между тем журналистка предоставила слово доктору Джорджу Аллану, личному врачу президентской четы. В свое время ему выпала нелегкая участь объявить, что маленького Роберта Раштона Меррита обнаружили мертвым в детской Белого дома. Доктор Аллан объяснил, что медицина до сих пор не в состоянии понять и объяснить причины СВДС.

Потом разговор коснулся личной трагедии, постигшей президента и его жену.

– Миссис Меррит, все мы были свидетелями вашего горя во время похорон малыша Роберта. – На экране, сменяя друг друга, замелькали кадры похорон. – С тех пор прошло уже три месяца. Я, конечно, понимаю, что рана еще свежа, но наши зрители, уверена, были бы признательны, если бы вы могли сказать им несколько слов.

Ванесса немного помолчала.

– Мой отец часто повторял мне: «То, что нас не убивает, делает нас сильнее». – По лицу первой леди скользнула слабая улыбка. – Папа оказался прав – впрочем, как и всегда. Мы с Дэвидом действительно стали сильнее – мы оба и каждый в отдельности. Мы прошли проверку на прочность и выжили.

– Вот дерьмо! – Сорвав с плеч полотенце, мужчина зашвырнул его в ванную и схватился за пульт, собираясь выключить телевизор, чтобы не слушать весь этот бред. Но не успел, потому что первая леди снова заговорила.

– Мы с мужем верим, что и другим удастся справиться с подобной трагедией. Надеюсь, мои слова помогут им в этом. Жизнь не кончается. Нужно жить дальше.

Выругавшись, Грей выключил телевизор.

Текст для Ванессы наверняка был написан заранее. Требовалось одно – чтобы она вызубрила его наизусть, как попугай. Грей подозревал, что эти слова вышли из-под пера Далтона Нили. А может, автором был Клит Амбрюстер, ее отец. Или даже сам президент. В любом случае все было сделано с одобрения Спенсера Мартина.

Как бы тщательно ни была подготовлена и отрепетирована речь, только слепой бы не понял, что Ванесса лишь повторяет чужие слова. Она произносила заранее заученные фразы, но было заметно, что мысли ее где-то далеко. Бондюран гадал, а понимает ли эта бойкая журналистка с сексуальным голосом, что ее попросту водят за нос? На его взгляд, Ванесса смахивала на говорящую куклу с чипом в голове. Видимо, первой леди не подобает демонстрировать свои чувства. Политика есть политика.

Внезапно почувствовав, что ему становится нечем дышать, Бондюран направился в спальню. Ему вдруг страшно захотелось что-нибудь выпить. Прихватив из холодильника банку пива, он вышел на крытую веранду, тянувшуюся по периметру всего дома, уселся в кресло-качалку, поднес банку к губам и одним большим глотком осушил ее до половины.

Наверное, он выглядел, как живая реклама пива. Ролик с ним в главной роли, с аппетитом потягивающим холодный напиток на веранде перед домом, наверняка стал бы рекламным хитом, а продажи пива с логотипом, где красовалось бы его имя, тут же взлетели до небес, но Бондюрану вряд ли приходило это в голову. В сущности, ему было на это плевать. Он давно уже заметил, что обладает определенной харизмой, но никогда не пытался понять, в чем тут дело. Тщеславие было ему несвойственно, тем более в последний год, когда он жил отшельником. Может, смотаться в Джексон-Хоул, лениво размышлял он. Он мог бы там побриться. Впрочем, не стоит.

Он такой, какой есть, нравится это кому-то или нет. Бондюран никогда этого не скрывал – может, именно по этой причине в Вашингтоне он пришелся не ко двору. Впрочем, в глубине души он даже был этому рад. Чтобы заслужить президентское доверие, требовалась не только определенная гибкость, но и умение пойти на попятную, а Грей Бондюран такое поведение не признавал в принципе.

Покачиваясь в кресле, он бездумно разглядывал покрытые снеговыми шапками вершины горного хребта Титон², даже не догадываясь, что взгляд его светло-голубых глаз в этот момент такой же ледяной и колючий, как и ледник, которых немало в этих горах. От гор его отделял добрый десяток миль, но казалось, что до них рукой подать. Подумать только, он любовался горами, сидя у себя во дворе. С ума сойти!

Бондюран смял пустую банку в руке, словно бумажку от конфеты. Проклятье, и надо же было ему именно в этот момент выйти из душа... не мог простоять там минут на десять подольше, чертыхался он про себя. Понесла же его нелегкая включать телевизор, да еще этот проклятый канал!

Он многое отдал бы, чтобы не видеть того интервью. Спасибо тебе огромное, Барри Тревис, и век бы тебя не видеть! Жил себе спокойно, а теперь его наверняка будут преследовать мысли о Дэвиде, Ванессе и их малыше, умершем в колыбельке в детской Белого дома.

Больше всего Бондюрана расстроило то, что проклятое интервью может вновь привлечь к нему внимание журналистов, которые лишь недавно оставили его в покое. Люди начнут задумываться, пытаться сопоставить до сей поры неизвестные факты. И тогда весь этот кошмар начнется снова.

* * *

Сунув руки в карманы, Дэвид Меррит мерил шагами кабинет.

– Первый раз об этом слышу, – нахмурился он. – Что это еще за чертовщина такая?

– Синдром Мюнхгаузена «по доверенности»? Это такое душевное расстройство, когда пациент причиняет боль самому себе. Назван в честь одного немецкого графа, который получал наслаждение, мучая себя.

² Титон – горный хребет в Вайоминге, часть системы Скалистых гор.

– Честно говоря, всегда считал, что это мазохизм, – буркнул Спенсер Мартин.

Доктор Аллан, пожав широкими плечами, налил себе еще порцию «скотча» из президентского бара.

– Это не совсем моя специализация, – протянул он, – и я еще не до конца разобрался в этом.

– А вот Барри Тревис, судя по всему, разобралась. – президент сказал это так, чтобы фраза прозвучала, как упрек, и доктор ясно понял, что вызвал его неудовольствие.

– Термин «по доверенности» добавляют, – смущенно начал он, – когда боль и страдания причиняют кому-то еще, обычно ребенку.

– Но какое отношение это имеет к СВДС? – удивился Меррит. – С чего Барри Тревис вдруг решила углубиться в эту тему?

Доктор Аллан сделал большой глоток «скотча».

– Потому что взрослые, страдающие подобным расстройством, иногда могут перейти черту. Известны случаи, когда родители причиняли серьезные травмы собственному ребенку, порой смертельные – и все лишь для того, чтобы привлечь сочувствие и внимание окружающих. Были случаи, когда дети погибали от непонятных причин, их списывали на СВДС, но в результате повторного расследования появлялись улики, доказывающие, что это было убийство.

Выругавшись сквозь зубы, Меррит уселся за стол.

– С чего это Барри Тревис вдруг вздумалось вытаскивать на свет божий все эти ужасы? – Он повернулся к доктору: – Плесни и мне чего-нибудь!

Доктор поспешил выполнить его просьбу.

– Спасибо. – Какое-то время Меррит задумчиво потягивал виски, потом перевел взгляд на Спенса. И разом помрачнел, поскольку увиденное ему очень не понравилось. Спенсер явно мыслями был далеко – и это в момент, когда разговор принял весьма опасное направление. – Наверное, зря я позволил Ванессе дать это проклятое интервью, – вздохнул он.

– Напротив, – возразил доктор. – Да и какой от него вред?

– Ради всего святого, Джордж, перестань, – рявкнул президент. – Эта Тревис планирует сделать целую серию репортажей. Держу пари, Ванесса опять съедет с катушек.

– Люди начинают обращать внимание, – негромко бросил Спенсер. Сердитый взгляд, которым смерил его президент, говорил о том, что ему нужны конкретные имена. – Прислуга, сэр. Они замечают, что у первой леди то и дело меняется настроение. И беспокоятся за нее.

Президент с упреком взглянул на доктора.

– Я не в состоянии бороться с перепадами ее настроения, пока она столько пьет, – проворчал доктор Аллан.

– Клит мне всю плешь проел по этому поводу. – Меррит сжал руки в кулаки. – Я уже устал напоминать ему, что она потеряла ребенка. Трудно было рассчитывать, что это никак не отразится на ее душевном состоянии.

– Люди по-разному переживают трагедию, – вмешался доктор, явно пытаясь разрядить обстановку. – Один с головой уходит в работу, стараясь измотать себя до такой степени, чтобы не оставалось сил ни о чем думать. Другой ищет утешения в вере, молится, часами сидит в церкви. Кто-то...

– Да понял я! – вспыхнул президент. – Жаль, что мой тесть не в состоянии этого понять.

– Хотите, я сам с ним поговорю, – вызвался Спенсер.

С губ президента сорвался невеселый смешок.

– К несчастью, он тебя на дух не переносит, Спенс. Ты последний человек, с которым он стал бы обсуждать состояние своей дочери. А вот ты, Джордж... – Он повернулся к доктору. – Может, ты бы мог поговорить с ним, объяснить...

– Хорошо, позвоню Клиту утром, расскажу, что слышал от вас о его беспокойстве за дочь. Постараюсь убедить его, что у меня все под контролем.

– Спасибо, Джордж. – Меррит благодарно улыбнулся, всем своим видом давая понять, что тема закрыта.

– Вообще-то Клит – это меньшее, о чем нам сейчас стоит волноваться, – снова вмешался Спенс. – На следующий год выборы. Нынешняя администрация нуждается в первой леди. Ванесса нужна нам – и чем быстрее, тем лучше, ведь она обязана принять участие в предвыборной гонке, а для этого ей придется взять себя в руки. – Он повернулся к доктору: – Вы сможете вернуть ее в нормальное состояние?

– Разумеется. Тем более что другого выхода все равно нет.

– Другой выход есть всегда. – от слов Спенсера словно ледяной ветерок прошелся по комнате. Президента с доктором пробрала дрожь.

– Ради всего святого, Спенс! – прорычал Меррит. – Говоришь, как палач, ей-богу! Ладно, Джордж, плюнь на этого демона мрака, – бросил он, поднявшись на ноги и протягивая руку доктору. – Вижу, Ванесса в хороших руках, так что беспокоиться не о чем. И спасибо, что объяснил эту штуку с синдромом Мюнхгаузена, хотя она и не имеет никакого отношения к смерти Роберта. – Глядя доктору Аллану в глаза, президент с нажимом добавил: – Роберт просто перестал дышать. Почему, неизвестно. Таково официальное заключение, и ты полностью с ним согласен. Не так ли?

– Совершенно верно. Типичный случай СВДС.

Доктор Аллан, допив то, что еще оставалось в бокале, поспешил распрощаться.

– Ему придется через это пройти, – заметил Спенсер, убедившись, что они с президентом остались наедине.

– Не волнуйся. Он справится.

– А Ванесса? Она тоже справится?

– До сих пор ей это удавалось, не так ли?

– До сих пор да. Но теперь я сомневаюсь, что она сможет держать себя в руках. – Только Спенсеру Мартину было позволено говорить в таком тоне о первой леди.

Меррит понимал тревогу своего советника и был благодарен ему за это, однако считал, что тот делает из мухи слона.

– Я по-прежнему считаю, что был прав, позволив ей дать интервью. Люди хотели это услышать, Спенс. Тем более что все прошло прекрасно. Ванесса была великолепна. Ее слова прозвучали очень убедительно.

Лоб Спенсера Мартина прорезала глубокая морщина.

– Все же зря мы согласились. У меня нехорошее предчувствие. И мне очень не нравится, что она сама позвонила журналистке.

– Меня это тоже беспокоило – вначале, – кивнул Меррит. – Но, как выяснилось, напрасно. Это интервью – отличный пиар-ход, как для нее самой, так и для всех нас. Как говорит Джордж, ничего страшного.

Убедившись, что Спенсер упорно молчит, президент смерил его недовольным взглядом.

– Что ж, поживем – увидим, – наконец ответил советник.

* * *

– Ладно, колись, кто он?

– Кто? – переспросила Барри, не поднимая головы. У нее на коленях грудой были свалены записки с телефонными сообщениями, визитные карточки, письма от телезрителей,

лавиной обрушившиеся на нее после выхода в эфир передачи о СВДС. Даже в самых радужных мечтах Барри не представляла себе, что ее проект вызовет такой интерес.

– А ты умеешь держать язык за зубами, Барри! Не зря говорят «в тихом омуте черти водятся».

Журналистка наконец соизволила поднять глаза.

– Боже мой, да перестань!

Секретарша едва не падала под тяжестью огромной корзины с цветами, которую она с трудом втащила в крошечный офис Барри.

– Куда бы ее поставить?

Барри замялась – ее стол, как обычно, был погребен под ворохом бумаг и представлял собой «зону повышенной опасности».

– Учитывая ситуацию, думаю, лучше всего на пол.

Поставив корзину в угол, секретарша с трудом разогнулась.

– Кто бы ни был твой приятель, даже будь он страшнее атомной войны, выложить такую кучу денег за цветы, это, скажу я тебе, что-то! Похоже, парень втрескался по самое некуда!

Барри, схватив привязанную бантом записку, расплылась в улыбке.

– Это точно. К сожалению, он женат.

– Все стоящие парни уже женаты, – философски заметила девушка.

Барри показала ей записку, и у секретарши при виде знакомой подписи с хрустом отвалилась челюсть. Восторженный визг, который она издала, мог разбудить и мертвого. В крошечный кабинет Барри сбежались сотрудники. Барри, громко прочитав имя на визитке, небрежно бросила:

– Всего лишь небольшой знак признательности со стороны президента – он превозносит мой талант и умение ухватить суть вещей, хвалит за потрясающий репортаж и благодарит за исполненный гражданский долг перед обществом.

– Еще слово, и меня стошнит, – объявил примчавшийся вместе со всеми Хови.

Барри, расхохотавшись, сунула записку в конверт. Будет чем похвастаться внукам.

– Ты просто завидуешь, поскольку спишь и видишь, как бы тоже оказаться в числе друзей Мерритов, – хмыкнула она.

Хови и остальные сотрудники разошлись по своим местам, кое-кто – поворчав, что вот, мол, везет же некоторым. Оставшись наконец одна, Барри схватилась за телефон, дождалась, когда на том конце снимут трубку, и негромко спросила:

– Ты свободен сегодня вечером?

– Ты серьезно?

– В холодильнике что-нибудь найдется?

– Два стейка.

– Ладно, тогда я принесу вино. – она покосилась на стоявшую в углу корзину. – И цветы. Буду через полчаса.

Глава 5

– Ты это называешь «через полчаса»?

– Прекрати брюзжать. Лучше помоги мне. – Барри, с трудом удерживая в руках полученную от президента корзину с цветами, две бутылки вина и бумажный пакет с продуктами, протиснулась в дом Дэйли Уэлша.

– Никак, свежую могилу ограбила? – поинтересовался он.

– Прочти записку, умник!

С трудом выудив застрявшую в цветах записку, он пробежал ее глазами и восхищенно присвистнул:

– Впечатляет!

– И всего один день работы, представляешь? – просияла Барри.

– Ждешь овец?

– Умеешь ты спустить с небес на землю! В любой другой день тебе бы это с рук не сошло. Но сегодня я слишком устала, чтобы обижаться, поэтому сделаю вид, что не слышала, и просто открою бутылку вина.

– Договорились. – Рука об руку они отправились на кухню, которая по умолчанию считалась самым уютным местом в доме, отличавшимся странной архитектурой. Дэйли, поднажившись, с некоторым трудом выдвинул ящик, чтобы достать штопор.

– Как ты? – с беспокойством спросила Барри.

– Жив, как видишь. Пока.

Однако выглядел он так, словно каждый его вздох может стать последним. Тед Уэлш – или Дэйли, как его называли друзья, – страдал эмфиземой легких. Что неудивительно, учитывая бесчисленное количество сигарет, выкуренных им за те долгие годы, пока он работал, как вол, чтобы общественность могла быть в курсе последних событий.

Вчерашний выпускник старших классов начал профессиональную карьеру посыльным в одной из ежедневных газет – отсюда и его прозвище³. Он стремительно продвигался по служебной лестнице, переходя из газеты в газету, пока не занял пост шефа отдела новостей на одном из телеканалов Ричмонда. Вскоре болезнь, которую он заработал за годы курения, дала о себе знать. Развивалась она быстро, и Дэйли был вынужден уйти в отставку.

Социальное пособие ему не полагалось по возрасту – Дэйли иной раз шутил, что он до него попросту не доживет, – и он жил на скромную пенсию. Поэтому то, что он гордо именовал «стейками», оказалось на проверку обычными котлетами. После звонка Барри Дэйли вытащил их из холодильника и положил размораживаться. Ожидая нечто подобное, Барри позаботилась купить пару аппетитных стейков на косточке, когда заехала в магазин за вином. Пока она готовила ужин, Дэйли неторопливо потягивал ароматное вино из округа Сонома.

– Держу пари, Кронкайт ошалевает от радости, когда получит эти косточки. При виде их у любого парня встанет, – задвинув в угол кислородный баллон, чтобы он не попался Барри под ноги, усмехнулся Дэйли.

– Сильно сомневаюсь. Учитывая, что я его кастрировала.

– Ах да, я и забыл. Ты и его кастрировала.

С грохотом поставив на разделочный стол бутылку с маринадом для мяса, Барри повернулась к нему:

– Только не начинай, слышишь?

– Но ведь так оно и есть. Ты откручиваешь яйца каждому мужчине, с которым встречаешься. Твой излюбленный метод – бросить парня прежде, чем он бросит тебя.

³ Дэйли (англ. Daily) – ежедневный.

– А как же ты?

– Ну, я не в счет. – С губ Дэйли сорвался дребезжащий смешок. – Для такой старой развалины, как я, яйца вообще без надобности. А если серьезно... Барри, хватит тратить на меня свое время. Свободный вечер можно провести и повеселее. А если тебе кажется, что лучше меня тебе мужчину не найти, то мне тебя искренне жаль.

– Но ведь я люблю тебя, Дэйли. – Нагнувшись к нему, Барри прижалась губами к его щеке.

– Перестань. – Дэйли отпихнул ее в сторону. – Не то стейки пережарятся, а я хочу, чтобы они были с кровью.

Барри давно уже перестала обижаться на его грубость. Ее привязанность к Дэйли могла выдержать и не такое. В самом начале их дружба подверглась серьезному испытанию, зато сейчас узы, связывающие их с Дэйли, могла оборвать разве что смерть. Их отношения достигли того уровня, когда даже упрек воспринимается как выражение нежности.

– Полжизни отдал бы за сигарету, – пробормотал Дэйли, пока они потягивали кофе.

– Уже отдал, – отрезала Барри.

– Это точно. – Он сидел в потертом кресле, рядом с которым стоял кислородный аппарат, из носа Дэйли торчали пластиковые трубки. Барри уютно свернулась калачиком на диване, подложив под голову подушку.

– Кстати, я тут совсем недавно познакомилась с еще одним человеком, который тоже готов был душу продать за сигарету. Держу пари, ни за что не угадаешь, кто это был.

– И кто же?

– Секрет.

– И кому я, по-твоему, могу его разболтать? У меня ведь никто не бывает, кроме тебя.

– Бывали бы, если бы ты захотел. Ты ведь сам распугал всех друзей.

– Меня тошнит от их жалости.

– Пусть так. А как насчет группы поддержки?

– Да кому нужен доходяга, который дышит через трубочку?

– По-моему, мы уже обсуждали это, и не один раз, – устало пробормотала Барри. – Так что не начинай снова, хорошо?

– Не бойся, не буду, – нахмурился он. – Ну, так кто же твой загадочный курильщик?

Барри заколебалась.

– Первая леди, – наконец решилась она.

– Не врешь? – ахнул Дэйли. – Неужели бедняжка струсилась перед интервью?

– Нет, интервью тут ни при чем. Это случилось в тот день, когда она предложила встретиться и вместе выпить кофе.

– Вы ведь разговаривали с глазу на глаз, верно? И как она тебе? Типичная пустоголовая блондинка, какой ты ее считала раньше?

– Я никогда такого не говорила.

– Говорила и не раз. Собственными ушами слышал. Как ты ее назвала? «Красотка из Миссисипи», верно? – Дэйли выразительно закатил глаза. – Ты говорила, что она из тех женщин, в голове у которых нет ни одной собственной мысли и которые в принципе не привыкли думать, потому что за них это делают мужчины – мужчины, перед которыми они преклоняется, в данном случае это муж и отец Ванессы. Словом, она обычная легкомысленная глупышка, которая наводит тоску на здравомыслящего человека. Кажется, я ничего не упустил?

– Нет, с памятью у тебя все в порядке. – Тяжело вздохнув, Барри задумчиво провела пальцем по ободку чашки. – Если честно, я и сейчас так думаю... только мне очень ее жаль. Она ведь потеряла ребенка. Господи...

– И..?

– Что? – Барри даже не заметила, что с головой погрузилась в свои мысли, но нетерпеливый вопрос Дэйли привел ее в чувство.

– Ты покусываешь губу – верный знак, что тебя что-то тревожит. Я весь вечер изнемогаю от любопытства – до смерти хочется узнать, в чем дело.

Барри умела скрывать свои чувства и мысли – в том числе и от себя. Единственным, кто видел ее насквозь, был Дэйли. Когда у нее случались тяжелые времена или она просто не знала, что делать, внутренний радар Дэйли моментально зашкаливал, давая понять, что с ней что-то неладно. Именно поэтому он стал великолепным репортером.

– Сама пока не знаю, – честно призналась Барри. – Просто...

– Зуд? Так и хочется расчесать эту рану?

– Что-то вроде этого.

– Частенько это означает, что ты наткнулась на что-то важное, просто пока не понимаешь, о чем речь.

Дэйли даже привстал. В глазах его вспыхнул огонь, он разом весь подобрался, как охотничий пес, почуявший запах лисы. На щеки его вернулся румянец – сейчас он выглядел лучше, чем за все время болезни. Бывший репортер почуял горячий след.

Почувствовав его интерес, Барри мысленно обругала себя за то, что вообще коснулась этой темы. Возможно, она все это нафантазировала, и Дэйли в итоге расстроится. С другой стороны, что страшного в том, чтобы поделиться мыслями со старым другом? Возможно, Дэйли подаст ей идею. Или, наоборот, скажет, что это пустая затея.

– Серия моих репортажей о СВДС вызвала большой интерес, – начала она. – Кстати, я говорила, что благодаря спутниковому телевидению ее показали всей стране?

– Что ж, карьерный взлет тебе обеспечен, – кивнул Дэйли. – Но ведь об этом ты и мечтала. В чем проблема?

Барри задумчиво обвела пальцем ободок чашки – кофе давно остыл. Ей расхотелось пить эту жижу.

– В первую нашу встречу мне стало ясно, что ее мучают угрызения совести – я напомнила ей, что она ни в чем не виновата, такое случается со многими матерями. Услышав мои слова, она как будто удивилась. «Вы так думаете?» – бросила она. То, как это прозвучало, заставило меня вплотную заняться проблемой СВДС. Я стала читать все подряд и наткнулась на жуткую историю о женщине, у которой один за другим погибло четверо детей – и все от СВДС. Правда, расследование показало, что в их смерти не было ничего случайного.

– Синдром... не помню, как называется, какая-то немецкая фамилия...

– Синдром Мюнхгаузена «по доверенности», – подсказала Барри. – После этого провели расследование еще нескольких случаев, когда ребенок неожиданно погибал при подозрительных обстоятельствах. Матерей обвинили в том, что они убивали своих детей, чтобы вызвать у людей сочувствие. Ну и... – Барри с трудом перевела дух и выразительно глянула на Дэйли.

Какое-то время он молча разглядывал ее, потом покачал головой.

– Похоже, нужно проверить уровень кислорода, – хмыкнул он. – То ли мне его не хватает, то ли, наоборот, слишком много, не пойму. Знаешь, мне пришло в голову, что ты решила обвинить первую леди в том, что она убила собственного ребенка.

– Я этого не говорила. – Барри, поставив чашку на стол, поднялась на ноги.

– Да? А прозвучало именно так.

– Дэйли, клянусь, мне это и в голову не приходило.

– Тогда что тебя гложет? Ты просто сама не своя.

– Понятия не имею. Но тут явно что-то не так. – Рухнув на кушетку, Барри обхватила голову руками. – На этой неделе я дважды виделась с Ванессой Меррит. В первый раз зрачки у нее были расширены, она постоянно дергалась, как наркоманка во время ломки. Во второй

раз передо мной сидела совершенно другая женщина – собранная, спокойная, сдержанная. Только человеческого в ней было не больше, чем... – Она огляделась, – в этой табуретке.

– Вот как? А интервью получилось неплохое.

– Только какое-то безжизненное. И ты это знаешь не хуже меня, – отрезала она. Дэйли подмигнул, и Барри поняла, что в душе он с ней согласен. – Интервью с миссис Меррит должно было стать самым ярким эпизодом программы, а в итоге оказалось полным провалом. Она смахивала на робота. Может, будь она такой и в первую нашу встречу, я бы просто не обратила на это внимания. Но контраст между первой и второй миссис Меррит оказался слишком разительным.

– Возможно, она волновалась перед интервью и приняла пару таблеток валиума, – пожал плечами Дэйли.

– Все может быть. Либо перед приемом ее накачали лекарствами, либо она попросту напилась. Выглядела великолепно, но была какая-то вялая. В общем, странная, словно... не знаю... до смерти напуганная. – И еще кое-что, – спохватилась она. – Знаешь, президент поздоровался со мной, как будто мы с ним старые приятели. Естественно, это было весьма лестно, но выглядело немного странно. Он с энтузиазмом отнесся к идее репортажа, похвалил его, когда передача вышла в эфир, а после прислал мне цветы. Ты только посмотри на них! Мне просто страшно при мысли о том, какую дыру они пробили в национальном бюджете!

– Но ведь это разносит в пух и прах твою теорию. Разве нет? Стал бы он посылать тебе цветы, если бы репортаж бросал тень на его жену?

– Я просто удивлена, что он так выплясывал вокруг меня. Я уже давно освещаю события в Белом доме и ни разу не сталкивалась с подобным радушием. И вдруг, после этой передачи, президент ведет себя так, словно мы близкие друзья.

– Ты же журналистка, Барри. А он – президент, собирающийся выдвинуть свою кандидатуру на второй срок. Заручишься поддержкой прессы – выиграешь на выборах.

Какое-то время Барри размышляла над его словами. Дэвид Меррит еще в бытность свою конгрессменом понял, как нужно вести себя с журналистами. Взаимопонимание между Мерритом и представителями прессы продолжалось вплоть до окончания его президентской кампании. Со временем романтический флёр слегка потускнел, однако журналисты продолжали относиться к нему с симпатией. Но Барри Тревис понимала, что была слишком мелкой сошкой, чтобы ее симпатия или антипатия что-то для него значили. Но тогда почему он так старался завоевать ее расположение?

Она мысленно перебирала кусочки этого пазла, вплоть до мельчайших фактов, начиная с первой встречи с Ванессой. Теперь ее подозрения казались просто высосанными из пальца.

– Знаешь, я бы просто выкинула все это из головы, если бы не одна странность, – призналась она. – Мне это до сих не дает покоя. Когда интервью закончилось, она вдруг взяла и обняла меня. *Меня!*

– Отличный пиар-ход, – хмыкнул Дэйли, продолжая играть роль адвоката дьявола.

– Нет. Это был предлог.

– Что? – удивился он. – Но для чего?

– Чтобы шепнуть мне кое-что на ухо так, чтобы никто не услышал. Знаешь, что она сказала? «Пожалуйста, помогите мне! Неужели вы не понимаете, что я пытаюсь вам сказать?»

– Холера!

– Вот-вот, и я то же подумала. Первый и единственный раз, когда она дала волю своим чувствам. Похоже, она дошла до ручки. Как ты думаешь, что она хотела этим сказать?

– Проклятье, откуда мне знать? Да все что угодно: от «Помоги моему мужу переизбраться на второй срок» до «Пора привлечь внимание общественности к проблеме с СВДС».

А может, впала в такую депрессию, что ей просто захотелось поплакаться в жилетку. Короче, это может значить как все, так и абсолютно ничего.

– Ну, что ж, ничего так ничего, – вздохнула Барри. – Но если это не так, представляешь, какой поднимется шум?

– И все-таки я не понимаю. – Дэйли покачал головой. – С чего ей вдруг убивать собственного ребенка, да еще после того, как она почти отчаялась забеременеть?

– По-моему, мы об этом уже говорили. Пресловутый синдром Мюнхгаузена.

– Только не она, – решительно возразил Дэйли. – Женщины, страдающие этим расстройством, обделены вниманием. Они ищут сочувствия. А Ванесса Меррит? Господи, да она почти принцесса Диана, только на американский манер. И уж вниманием точно не обделена, во всяком случае, вниманием прессы.

– А если речь о тех, кто ей дорог?

– Ты о президенте? Думаешь, муж отверг ее, и она пошла на это, чтобы привлечь к себе его внимание?

– Возможно.

– Но маловероятно.

– Но возможно, – с нажимом повторила Барри. – Вспомни, как весь мир сочувствовал Джеки Кеннеди, когда она потеряла маленького Патрика. На нее тогда все чуть ли не молились.

– Ну да. А представляешь, если бы он был ее первенцем?

– И эта трагедия во многом способствовала тому, что она превратилась в легенду. Возможно, нынешняя первая леди позавидовала и решилась на этот шаг, потому что ей не хватало нимба вокруг головы?

– Ладно, давай другую теорию, – отмахнулся Дэйли.

– ВИЧ. Что, если один из супругов является носителем вируса? У ребенка тест мог оказаться положительным. Миссис Меррит не могла рисковать – представляешь, какое унижение, когда весь мир полощет твоё грязное белье?

– Еще одна слабенькая теория, – фыркнул Дэйли. – Если кто-то из них ВИЧ-инфицирован, это так или иначе вышло бы наружу, еще когда она носила ребенка. Насколько я помню, президент сдал все необходимые анализы. Такое не скроешь.

– Да, наверное, ты прав. – Барри немного подумала. – Может, причина настолько банальна, что мы ее просто не видим? Возможно, мотив лежит на поверхности? Что, если дело в обычных семейных неурядицах? Она производит впечатление женщины, которая привыкла получать все, что захочет. Которая не станет мириться с тем, что ею пренебрегают.

– Что ты имеешь в виду?

– Она убила сына, чтобы наказать президента за измену.

– *Возможную* измену. Пока это только слухи.

– Будет тебе, Дэйли! – Барри театрально закатила глаза. – Журналистам известно, что он не пропускает ни одной юбки. Просто его пока не застукали в постели с какой-нибудь голый девицей, но это всего лишь вопрос времени.

– Вот когда застукают, и бригада «Шестьдесят минут» запишет все на видео, а Майк Уоллес⁴ растрезвонит об этом на весь мир, тогда и поговорим. А пока это просто грязные слухи.

– Ну, миссис Меррит наверняка знает правду.

– Естественно, знает. Но она будет по-прежнему улыбаться и делать вид, что понятия ни о чем не имеет, как это делали жены всех политиков со дня сотворения мира.

– Знаешь, я почти уверена, что поводом стала ярость отвергнутой женщины.

⁴ Майк Уоллес – ветеран американской тележурналистики, ведущий игровых шоу и медиапроектов.

Дэйли задумчиво пожевал нижнюю губу.

– Барри, эта передача привлекла к тебе внимание коллег по цеху. Заметь – благожелательное внимание, – подчеркнул он.

– Если мне и суждено оказаться в центре внимания, то не благодаря ей.

– Ты уверена? Передача имела большой успех, настолько, что заставила всех забыть о твоём ляпе с судьей Грином, и в очередной раз доказала, насколько ошиблись те, кто поспешил списать тебя со счетов. Да, ты заслужила сладкую конфетку, но не жадничай. Уверена, что не пытаешься высосать из пальца невероятную историю, лишь бы привлечь к себе внимание? Может, ты просто пытаешься воспользоваться этим, как возможностью вырваться из толпы посредственностей и заявить о себе?

Барри уже открыла было рот, чтобы ответить возмущенным и решительным «нет», но передумала. Неужели она подтасовывает факты ради собственных целей? Может ли быть, чтобы профессиональные амбиции повлияли на ее объективность? Или, что еще хуже, у нее появилась привычка хвататься за непроверенную версию ради того, чтобы поведать публике очередную сенсацию?

– Нет, конечно. Я стараюсь быть объективной – просто пытаюсь увидеть ситуацию под разным углом. Женщина потеряла ребенка. Поверь, я всей душой сочувствую несчастной матери. Мы считаем ее жертвой безжалостной судьбы, а она может быть жертвой необъяснимой злобы, которая и толкнула ее совершить худшее преступление из всех, которые только можно представить. Возможно такое? Вот это и не дает мне покоя.

– Вся эта история дурно пахла с самого начала. Почему она позвонила и пригласила меня на кофе? Насколько мне известно, ни один журналист никогда не удостоивался подобной чести. Во время разговора она все время ерзала, говорила полунамекками... как будто хотела о чем-то сообщить, но не могла сказать прямо. Например, признаться в убийстве.

– Будь это другая женщина, а не первая леди, я бы не стала ждать так долго, а сразу бы приступила к расследованию. Я считаю, что просто обязана копнуть глубже. И как бы высокопарно это ни звучало, я уверена, что выполняю свой гражданский долг.

– Ладно, – кивнул Дэйли. – У меня только один вопрос.

– Валяй.

– Какого черта ты все еще тут сидишь?

Глава 6

После недели проверок различных версий, которые неизменно оканчивались тупиком, Барри слегка поостыла. Все попытки выяснить, что же кроется за таинственной смертью маленького Роберта Раштона Меррита, не принесли ничего, кроме усталости и разочарования. Она проверила каждую теорию, которая пришла в голову им с Дэйли, но все они оказались ошибочными. Она оказалась в заколдованном кругу: история требовала всестороннего расследования, но это неизбежно привело бы к огласке, что вызвало бы шум в прессе.

Что еще хуже, простата Хови, похоже, опять взбунтовалась – естественно, он не упустил возможности посвятить Барри во все неприятные подробности – в итоге ее босс ходил мрачный, как туча, и ко всему придирался. Он злился, поскольку ее передача имела невероятный успех, завидовал свалившейся на Барри славе, спихивал ей задания, от которых отказывались другие репортеры, после чего пускал ее репортажи в эфир в самое неподходящее время. Барри старалась его не раздражать – не прекословила и все материалы сдавала точно в срок, чтобы оставалось время заняться тайной, не дававшей ей покоя уже который день.

Одна мысль о том, что первая леди могла убить собственного ребенка, казалась изменой родине. А кстати, как в наши дни наказывают за измену? Вешают на глазах разъяренной толпы? Или просто вызывают расстрельную команду?

Вскоре Барри стала опасаться, что это не у Ванессы Меррит, а у нее самой началось психическое расстройство. Ей слышались какие-то голоса, она пыталась найти скрытый смысл в ничего не значащих событиях. Она понимала, что нужно как можно скорее покончить со всеми этими глупостями и сосредоточиться на заданиях, которыми исправно снабжал ее Хови, – ведь ее звезда, которая взошла после выхода в эфир той передачи, могла неожиданно погаснуть и превратиться в «черную дыру», способную поглотить и ее карьеру, и ее саму заодно.

Но Барри не привыкла сдаваться. И потом, если бы после пары провалов Бернстайн и Вудворт сложили руки, как бы мир узнал об Уотергейтском скандале?

Она сидела в своем крошечном офисе и изучала заметки в поисках хоть какой-то ниточки, которая помогла бы ей размотать этот клубок, когда к ней заглянул редактор вечернего выпуска новостей.

– Привет, Барри. Уже подготовила сегодняшний репортаж?

– А в чем дело?

– Какие-то неполадки со звуком, помехи, шум и все такое. Хови настаивает на прямом эфире.

Барри машинально скосила глаза на настенные часы. До эфира оставалось всего восемь минут.

– На тот случай, если ты не заметил... после сегодняшней записи я была настолько вымотана, что пошла принять душ. У меня голова еще мокрая.

– Н-да... а твой макияж... – Его жест ясно доказывал, что зрелище достаточно плачевное. – Но либо прямой эфир, либо снимаем твой репортаж и ставим что-то другое. Хови говорит, что ты восходящая звезда, так что для тебя это отличный шанс.

– Не могу сказать, что я в восторге, – вздохнула Барри, – но ради мира и спокойствия в редакции я это сделаю. – Барри потянулась за сумочкой. – Если кто-то будет меня искать, я в дамской комнате.

– Ладно, будем молиться, чтобы чудо произошло! – крикнул ей вслед просиявший редактор.

После выпуска новостей Барри снова вернулась за стол и проверила записи об оставленных сообщениях. Одно было от старого знакомого, какого-то чудака, утверждавшего,

что создатели известного слабительного рисуют на таблетках магический шестиугольник, в результате чего у него появился хронический запор. Он взял за правило регулярно называть Барри. Звонила еще одна чокнутая, на этот раз незнакомая, назвавшаяся Шарлин, – судя по всему, исключительно для того, чтобы обругать Барри за тупость. Интерес представляло только одно сообщение, от Анны Чен, ее надежного источника в больнице округа. Барри схватилась за телефон.

– Анна?

– Привет. – Голос Анны звучал приглушенно, почти испуганно. Барри заметила, что та избегает называть ее по имени, хотя, конечно, догадалась, кто звонит. Барри машинально потянулась за карандашом и блокнотом.

– То, о чем мы говорили пару дней назад... – прошептала Анна в трубку. – Помнишь?

– Само собой.

– Я не нашла копию, о которой ты спрашивала.

– Ясно. – Барри молчала, догадываясь, что это еще не все.

– Процедуру вообще не делали.

Барри поперхнулась.

– Не проводили вскрытие? Разве это не обязательно, особенно, когда смерть происходит при загадочных обстоятельствах?

– Да, обычно так и бывает. Но в данном случае лечащий врач заявил, что процедура не требуется, отдал соответствующее распоряжение, и вскрытие отменили.

Доктор Аллан, личный врач президентской четы, приказал не проводить вскрытие? Барри с такой силой сжала карандаш, что сломала грифель.

– Ты уверена? – переспросила она.

– Послушай, мне нужно идти.

– Еще пара вопросов! – взмолилась Барри.

– Извини.

Анна Чен бросила трубку. Барри сгребла со стола записи, затолкала их в сумку, схватила плащ и зонтик и пулей вылетела из комнаты.

* * *

Естественно, она не рассчитывала, что Анна Чен станет дожидаться ее в офисе. И все-таки расстроилась, наткнувшись на запертую дверь и убедившись, что нигде не горит свет. Вернувшись в машину, она вытащила мобильник.

– У тебя есть телефонный справочник? – нетерпеливо бросила она, услышав в трубке голос Дэйли.

– И тебе добрый вечер, – хмыкнул он.

– Извини, мне сейчас не до учтивостей.

– Вашингтон с пригородами? – деловито спросил Дэйли, сообразив, что Барри торопится.

– Да, начни отсюда. Ищи женщину по имени Анна Чен. Ч-е-н.

– Кто она такая?

– Не могу сказать.

– Ясно. Информатор. И в чем дело?

– Долгая история. Не по телефону.

– Видел тебя вчера в новостях, – пробормотал он. Барри слышала в трубке шорох перелистываемых страниц.

– Да? И как я тебе?

– Бывало и хуже.

- Неужели так плохо? Ну, и как там у нас с Ченами?
- Ни одной Анны, но есть некто «А. Чен». Устраивает?
- Похоже, это она. Продиктуй мне ее адрес и телефон.

Секретарша окружной больницы проживала в недавно отремонтированном здании в Адамс Морган, одном из пригородов столицы, население которого представляло собой причудливую смесь самых разных национальностей. Лифта в доме не было, и к тому времени, как Барри вскарабкалась на третий этаж, она уже пыхтела, как паровоз. Чтобы не дать Анне возможность уклониться от разговора, она благоразумно не стала звонить заранее и предупредить о своем приходе. Подкравшись на цыпочках, она приложила ухо к двери и прислушалась – в квартире работал телевизор. Барри успокоилась – Анна была дома.

Барри позвонила. Звук работающего телевизора стал тише. Послышались приближающиеся шаги, и Барри догадалась, что ее разглядывают в дверной глазок.

- Анна, пожалуйста, открой. Нам нужно поговорить.

Прошла, казалось, целая вечность. Наконец, когда Барри уже стала терять терпение, она услышала звяканье цепочки, и дверь чуть-чуть приоткрылась. В образовавшейся узенькой щели мелькнуло испуганное лицо Анны.

- Что вы здесь делаете? Вам нельзя сюда приходить!
- Ну, раз уж я все равно здесь, можно мне войти?
- Что вы хотите?
- И вы еще спрашиваете? Хочу узнать, почему не было вскрытия.
- Я закрываю дверь! И не приходите больше сюда!
- Анна! – Барри проворно просунула ногу в щель. – Послушай, я ничего не понимаю.

Позвонила, вывалила на меня такую новость, а теперь вдруг говоришь, что не...

- Я не понимаю, о чем вы говорите!

Но Барри была неумолима.

– Анна, что происходит? Ничего не понимаю... – И вдруг до нее дошло. В прекрасных, миндалевидных глазах Анны мелькнул ужас.

- Тебе приказали не разговаривать со мной? – понизив голос, прошептала Барри.
- Прошу вас, уходите! – взмолилась Анна.

– Скажи, я угадала? Кто-то велел тебе держать язык за зубами? Тебе угрожали? Кто? Больничное начальство? Кто-то из офиса судмедэкспертизы? Или доктор Аллан? – Стараясь не повышать голоса, Барри продолжала настаивать: – Твое имя нигде не будет фигурировать, обещаю! Просто кивни, если я права. Это доктор Аллан дал распоряжение не проводить вскрытие? И он действовал по приказу самого президента, я угадала?

Насмерть перепуганная женщина предприняла еще одну отчаянную попытку захлопнуть дверь, прищемив Барри ногу, но та решила стоять насмерть.

- Анна, прошу тебя, расскажи мне все, что ты знаешь.
- Я ничего не знаю! Уходите, прошу вас! Оставьте меня в покое!

Юная азиатка налегла на дверь всей тяжестью своего щупленького тела. Барри поспешно убрала ногу. И вот она уже стоит в холле, тупо разглядывая дверь и гадая, кто же мог до такой степени запугать Анну. И, самое главное, почему?

* * *

Ванесса Меррит выключила телевизор. Бездумно щелкая пультом, она случайно наткнулась на вечерние новости с Барри Тревис. Боже мой, устало подумала она, глупая журналистка, похоже, не поняла ее намек. Впрочем, может, оно даже к лучшему, решила она.

В глубине души Ванесса совсем не хотела, чтобы ее тайна выплыла на свет – просто не знала, надолго ли ее хватит. Иногда ей казалось, что эта тайна постепенно ее убивает.

Ванесса налила себе еще бокал вина – хотя пить ей было запрещено. Да пошли они все к черту – и доктор, и ее отец, и уж тем более муж! Откуда им знать, что ей нужно, а что нет? Они просто сговорились против нее. Они...

Мысль исчезла прежде, чем Ванесса успела додумать ее до конца. Такое случалось все чаще и чаще. Ванессе все труднее было сосредоточиться на чем-то – одну мысль тут же сменяла другая.

О чем же она думала?

Ах да, о ребенке. Впрочем, как всегда. Но ведь было же что-то еще...

Взгляд Ванессы задержался на телевизоре, и она вспомнила. Ну, конечно, Барри Тревис. Тупая сучка. Что нужно сделать, чтобы до нее наконец дошло? Неужели она не поняла намек? Или поняла, но испугалась? Что за этим прячется – страх или просто глупость? Впрочем, без разницы. С этой стороны помощи ждать не приходится.

А она-то гордилась собой, считала себя очень умной – мысль использовать эту репортершу впервые закралась ей в голову, когда она увидела Барри на недавнем приеме, который устроили на восточной лужайке Белого дома. В конце концов, разве не мисс Тревис поведала миру о «смерти» члена Верховного суда судьи Грина? И не она ли в свое время задала на пресс-конференции тот идиотский вопрос, от которого зал взорвался хохотом?

Недостаток доверия со стороны коллег делал Барри Тревис идеальным орудием в руках Ванессы. Достаточно пары осторожных намеков, и недалекая репортерша, которой страшно хочется прославиться, примется задавать вопросы, которые на первый взгляд могут показаться глупыми, но те, у кого есть голова на плечах, мигом почуют, что дело неладно, и кинутся искать ответы. Использовать для этой цели кого-то из серьезных журналистов значило подвергать себя риску. А так, даже если ее тайна и выплывет на свет, то сама Ванесса при этом останется в стороне.

Во всяком случае, она на это надеялась. И, похоже, просчиталась, когда решила использовать для этой цели Барри Тревис. Репортерша оказалась не только безответственной, но и попросту бестолковой.

И что теперь делать?

По привычке Ванесса потянулась за телефоном.

– Привет, папа.

– Привет, – услышала она в трубке голос сенатора. – А я как раз собирался тебе звонить.

Ну, как ты?

– Прекрасно.

– Коротаете вечер дома?

– Дэвид произносит речь на съезде каких-то профсоюзов. Не помню, где он проходит.

– Хочешь, чтобы я приехал и составил тебе компанию?

– Нет, не нужно. Но все равно спасибо, – поспешно пробормотала Ванесса, мигом сообразив, что, увидев на столе вино, отец тут же поднимет крик.

– Милая, ты не должна оставаться одна.

– Дэвид сказал, что вернется вечером, правда, довольно поздно, но он пообещал меня разбудить.

В трубке повисло молчание. Ванесса могла бы поклясться, что отец недовольно хмурится.

– Может, тебе стоит посоветоваться со своим гинекологом – возможно, он сочтет нужным назначить тебе какие-то гормоны или что там следует принимать в таких случаях. – По мнению отца, причиной всех женских болячек являлся гормональный дисбаланс.

– Не боишься ранить самолюбие Джорджа? – хихикнула Ванесса.

– К черту Джорджа и его самолюбие! – рявкнул сенатор. – Речь идет о твоём здоровье! Нет, он, конечно, славный парень, и, вероятно, достаточно компетентен в таких вещах, как

расстройство желудка или грипп. Но тебе нужен специалист. Может, сходишь к психологу? Или психоаналитику.

– Нет, папа. Ни к какому психологу я не пойду. Поверь мне, ситуация под контролем.

– Послушай, милая, смерть маленького Роберта стала для тебя страшным ударом.

Ванесса глотнула вина в надежде, что оно хоть немного заглушит боль утраты.

– Дэвиду это не понравится. Первая леди не может обратиться за помощью к психоаналитику.

– Почему бы не сделать это конфиденциально? И потом, у кого повернется язык осудить тебя, если ты обратишься за помощью, в которой отчаянно нуждаешься? Хочешь, я сам поговорю с Дэвидом?

– Нет!

– Ребенок...

– Прошу тебя, папа, не нужно. Дэвид будет беспокоиться. Я справлюсь с этим. Просто это займет чуть больше времени, чем мы думали.

Ванесса недаром была дочерью сенатора. Клитус Амбрюстер, политик до мозга костей, даже не заметил, как ловко его обвели вокруг пальца – к тому времени, как они распрощались, успокоенный сенатор дал дочери слово, что не станет разговаривать с Дэвидом о ее здоровье.

Проглотив таблетку валиума, Ванесса запила ее вином, после чего отправилась в ванную, переделась в ночную рубашку, поверх которой накинула пеньюар. Обычно перед сном она просматривала письма, иногда писала ответы, но сегодня ей стоило немалого труда удерживать ручку, и в конце концов она оставила эту затею. Забравшись в постель, она решила почитать новый бестселлер, о котором все только и говорили, но вскоре обнаружила, что ее глаза бездумно скользят по строчкам. Ванесса с удивлением поймала себя на том, что не помнит ни слова из прочитанного. Сдавшись, она собралась выключить свет, но неожиданно в дверь негромко постучали. Выбравшись из постели, Ванесса направилась к двери.

– Ванесса?

Она открыла дверь.

– Привет, Спенсер.

– Я вас разбудил?

– Нет, я читала. – Спенсер не переставал ее удивлять. Ванесса в замешательстве пригладила волосы. – Что ты хотел?

– Президент просил меня справиться, как вы.

– Вот как? – не скрывая сарказма, усмехнулась она. – В самом деле?

– Ему очень не хотелось оставлять вас одну сегодня вечером.

– И чем же нынешний вечер отличается от других?

Спенсер Мартин и ухом не повел. Чтобы вывести его из себя, одной насмешки было мало. Он был слишком умен, чтобы поддаться на провокацию. Недаром он прошел хорошую школу.

В администрации Никсона в свое время работал некий Гордон Лидди. У него на ладони был довольно заметный шрам – поговаривали, что он держал руку над огнем свечи, пока кожа не вздулась волдырями. Однако ему было далеко до Спенсера Мартина. Спенсер всегда и во всем оказывался прав – и это вселяло ужас. В глазах президента этому человеку не было цены.

– Могу я чем-то помочь? – вежливо – точнее, равнодушно – поинтересовался он.

– Чем именно? – с иронией спросила Ванесса.

– Чем угодно.

– Не стоит беспокоиться.

– Никакого беспокойства, уверяю вас. Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, черт возьми. А ты?

– Вы расстроены. Хотите, я позвоню доктору Аллану, попрошу его заехать?

– Мне не нужен доктор Аллан! – крикнула она. – Единственное, что мне нужно... – Ванесса глубоко вздохнула. – Единственное, что мне по-настоящему нужно, это чтобы хоть кто-нибудь вспомнил, что у меня был сын, а теперь он мертв!

– Мы все об этом помним, Ванесса, уверяю вас. Но для чего снова сыпать соль на рану? Какой смысл снова и снова терзать себя мыслью о том, что этот младенец...

– У него есть имя, мерзавец! – Шагнув к нему, Ванесса сгребла Спенсера за лацканы как всегда безупречного пиджака. – У вас с Дэвидом язык не поворачивается называть его по имени, верно? Совесть не позволяет, угадала? Ну, давай, попробуй! – Она сорвалась на крик. – Давай же!

В комнату ворвался агент службы безопасности.

– Мистер Мартин, что-то не так?

– Первая леди неважно себя чувствует, – невозмутимо объяснил тот. – Вызовите доктора Аллана.

Спенсер затолкал ее в спальню и плотно прикрыл дверь.

– Собираешься посадить меня под замок, да, Спенс?

– Вовсе нет. Хотите устроить бесплатный цирк на потеху прислуге? Тогда вперед, – невозмутимо бросил он, выразительно кивнув в сторону двери.

Помрачневшая Ванесса умолкла, потом направилась к столу и, с вызовом глянув на Мартина, налила себе вина. К тому времени, как приехал доктор Аллан, она уже прикончила целую бутылку.

– Джордж, она снова напилась, – предупредил Спенсер.

Доктор подошел, собираясь осмотреть ее, но Ванесса раздраженно отпихнула его.

– Послушайте, Ванесса, вам нельзя столько пить! Во всяком случае, пока вы принимаете таблетки.

Спенсер намекнул, что не помешало бы вколоть ей успокоительное – может, после этого она замолчит.

– Не стоит. Мне придется увеличить дозу, иначе оно не подействует.

– А мне плевать, что вы с ней сделаете! – В голосе Спенсера была сталь.

Ванесса закатала рукав.

– Давайте, колите ваш чертов наркотик! Потому что я могу забыться только когда сплю! А сейчас, как тонко заметил Спенсер, я не сплю, а всего лишь опьянела.

Лекарство как раз начало действовать, когда в спальню торопливыми шагами вошел Дэвид. По лицу было заметно, что он в бешенстве – видимо, ему уже успели донести о той сцене, которую она закатила в его отсутствие.

Плохо дело, господин президент, хотела сказать она. Но губы ее не слушались.

Стоя в изножье ее кровати, Дэвид, Спенсер и доктор Аллан негромко переговаривались. Видимо, совещались, как отучить ее от алкоголя, сонно подумала Ванесса. Последнее, что она услышала, прежде чем провалиться в сон, была брошенная Спенсером фраза:

– Мы не можем позволить, чтобы это продолжалось.

Интересно, что это значит? Жаль, что мысли путаются... Впрочем, так даже лучше. Когда незадолго до рассвета они снова заглянули в спальню, Ванесса крепко спала.

Глава 7

Закончив разговор с Барри Тревис, президент повернулся к советнику.

– Ну, и что ты об этом думаешь?

Поскольку была включена громкая связь, Спенсер Мартин не упустил ни слова из их разговора.

– Ну, она явно надеялась что-то выведать, но вы прекрасно справились, – отозвался он. – Правда, вы отказали. Но сделали это тактично. Кстати, она пыталась связаться с вами через Далтона?

– Да. Все по протоколу.

– Тогда вдвойне хорошо, что вы отказали ей лично. Держу пари, она решила попросить вас об эксклюзивном интервью, чтобы обсудить вашу предвыборную стратегию. Похоже, вбила себе в голову, что теперь они с Ванессой лучшие подруги, а тут еще вы послали ей цветы. Естественно, бедняга размечталась, что в Белом доме ее теперь будут принимать с распростертыми объятиями.

Уставившись в окно, Дэвид Меррит обвел взглядом ухоженную лужайку перед Белым домом. Вдоль кованой железной решетки выстроилась длинная очередь туристов из глубинки, заранее записавшихся на стандартную экскурсию, во время которой они станут тарашиться на обеденные сервизы бывших президентов. В глубине души Меррит презирал простой народ, однако ему нравилось быть их президентом, и ему уже заранее было тоскливо думать о том, как он съедет из Белого дома, пусть даже это произойдет после завершения его второго срока. Мысль о том, что его не переизберут, даже не приходила Дэвиду в голову. Ведь речь шла о его личной программе, той самой, которую он составил для себя еще в те дни, когда жил в трейлерном парке в Билокси. И до сих пор все шло в соответствии с этим планом – пусть и с некоторыми коррективами. Ничто и никто не встанет между Дэвидом Малькольмом Мерритом и тем будущим, о котором он мечтал для себя. Ничто.

– Интересно, – словно прочитав его мысли, пробормотал Спенсер, – с чего она вдруг под конец спросила, как там Ванесса?

– В последнее время все беспокоятся о моей жене, так что это естественно. Было бы куда подозрительнее, по-моему, если бы она не спросила.

– Возможно, – пожал плечами Спенсер.

Судя по его тону, у него были сильные сомнения на этот счет. Отвернувшись от окна, президент удивленно поднял брови.

Спенсер снова пожал плечами.

– Еще пару недель назад мы слыхом не слыхивали о какой-то там Барри Тревис. А теперь она постоянно путается под ногами. – он негромко выругался сквозь зубы. – Проклятье, о чем только думала Ванесса, когда выкинула этот фортель? И что этой репортерше неймется? Нет, я понимаю, почему она нарезала круги вокруг окружной больницы, когда готовила свой репортаж о СВДС, но что ей понадобилось там после?

– Меня это тоже беспокоит, – признался Меррит. – Однако нам удалось установить ее «источник» и вовремя намекнуть, что любой неверный шаг будет иметь очень серьезные последствия. Держу пари, мисс Тревис будет крайне сложно найти другого информатора.

Возможно, Барри Тревис считала, что ее «источники» остаются для всех загадкой, но для людей типа Спенсера Мартина не существовало тайн. Президент, естественно, не стал интересоваться, кто именно вразумил Анну Чен и о каких «серьезных последствиях» шла речь. Он вполне удовлетворился сообщением Спенсера, что ситуация «под контролем». Если так утверждает Спенс, значит, так оно и есть.

В чем, в чем, а в таких делах на него можно было положиться. Стоило только возникнуть какой-то проблеме, как он мигом оказывался рядом, чтобы взять ситуацию под контроль. Никаких объяснений. Никаких споров или возражений – Спенсер привык действовать сам. Этим он выгодно отличался от их общего знакомого Грея Бондюрана, который на каждый свой чих спрашивал разрешения у официальных лиц.

Когда требовалось действовать, Дэвид Меррит хотел, чтобы его подчиненные шли вперед, не задумываясь. И если нужно было выбирать между честью и тем, что он привык именовать «требованиями настоящего момента», то он отдавал предпочтение последнему. В отличие от Бондюрана, для которого слово «честь» было не пустым звуком.

– Думаю, эта Барри Тревис просто чересчур рьяная. Она тихо-мирно кропала никому не интересные репортажи, но вдруг на ее долю выпали пять минут славы, и теперь она пытается построить на этом карьеру. К несчастью, она становится помехой. – С губ президента сорвался смешок: – Впрочем, она неудачница. Это ни для кого не тайна. Так что расслабься, Спенс. Ей мозгов не хватит, чтобы причинить нам неприятности.

– Не знаю, не знаю, – с тревогой в голосе проворчал Спенсер. – Мне кажется, она умнее, чем кажется на первый взгляд. И если бы не тот ее ляп с судьей, о котором все никак не могут забыть, я бы сказал, что она из тех репортеров, с которыми приходится считаться. Ее цепкость и упорство сами говорят за себя.

– А так же ее легкомыслие и неуместные амбиции?

– Пусть так. Но если она не отстанет, это может стать серьезной проблемой.

Меррит бросил многозначительный взгляд на советника. Они привыкли понимать друг друга без слов. Как диверсанты, пробирающиеся сквозь джунгли, где под каждым кустом может таиться враг, они умели переговариваться без помощи слов, взглядами предупреждая друг друга об опасности. Сейчас был как раз такой случай.

– Что ж, держи руку на пульсе, Спенс, если тебе так будет спокойнее.

– Да. Мне так будет спокойнее.

* * *

Барри задумчиво пробежала глазами распечатку своего телефонного разговора с президентом. На первый взгляд все было нормально – обычная дружеская беседа. Он вежливо, но достаточно решительно ответил отказом на ее просьбу об эксклюзивном интервью. Странно, но она ничуть не расстроилась и совсем не удивилась. Тем более это был лишь предлог, чтобы спросить, как себя чувствует первая леди.

С того ветреного, пасмурного дня, когда они встретились, чтобы выпить по чашке кофе, Барри мучили подозрения. Ей мерещилась драма, скрываемая за стенами Белого дома. Но все ее попытки выяснить что-то как будто наталкивались на глухую стену. Телефон, с которым она не расставалась ни на минуту, номер которого был известен только Дэйли и ее информаторам, молчал – в итоге Барри не выдержала и, наплевав на ею самой установленные правила, принялась их обзванивать. Никто ничего не знал. Она уже готова была признать, что ее воображение вновь сыграло с ней дурную шутку – впрочем, такое уже случилось.

И тут эта странная история с Анной Чен. Все подозрения Барри разом вернулись. Уже на следующее утро Далтон Нили созвал пресс-конференцию и объявил, что миссис Меррит некоторое время не будет появляться на публике ввиду того, что ей необходим покой. Вслед за этой шокирующей новостью он зачитал краткое заявление от президента:

– Сенатор Амбрюстер и я считаем, что обязанности первой леди не позволяют Ванессе оправиться после трагической смерти нашего сына. Она должна собраться с силами, как физически, так и эмоционально – это ее долг перед семьей и страной. Только после этого она

сможет выполнять нелегкие обязанности, которые добровольно возложила на себя в качестве первой леди. Будем считать, что ей предоставлен длительный отпуск.

Естественно, посыпались вопросы. Репортерам было сказано, что все это время первая леди будет находиться под неусыпным наблюдением доктора Аллана. Кто-то из журналистов спросил, не связано ли это с алкоголем или какими-то препаратами, но Нили решительно опроверг это предположение, назвав его нелепым. Барри, перекрикивая своих коллег, поинтересовалась, когда первая леди намерена вернуться к работе, – ей ответили, что об этом пока рано говорить.

С этого самого дня журналистам периодически сообщали о состоянии здоровья миссис Меррит. По словам доктора Аллана, отдых и уединение пошли ей на пользу. Сегодня утром, во время разговора Барри с президентом, тот поблагодарил ее за внимание и пообещал передать Ванессе привет. Потом добавил, что она быстро поправляется и что он очень этому рад.

Словом, все расчудесно, лучше не бывает.

– Ну, конечно, так я тебе и поверила, – пробормотала Барри. Кожа на затылке снова покрылась прыщами – ощущение было такое, словно ей в спину дул ледяной ветер. Что-то явно было не так. Она схватилась за телефон.

– Окружная больница. С кем вас соединить?

– С Анной Чен, пожалуйста.

– Мисс Чен больше у нас не работает.

– Простите, не поняла?

– Мисс Чен у нас больше не работает. Может, соединить вас с кем-то еще?

– Эээ... нет, спасибо.

Торопливо повесив трубку, Барри набрала домашний номер Анны. Приятный женский голос в трубке сообщил, что данный номер больше не существует. Уже через пять минут Барри, прыгнув в машину, мчалась к дому Анны. Вихрем взлетев на третий этаж, она принялась терзать дверной звонок. Спустя какое-то время стало понятно, что квартира пуста. Разъяренная Барри плюнула на приличия и позвонила в квартиру напротив. Никто не открыл. Потеряв терпение, она прижалась ухом к замочной скважине и прислушалась – из-за двери доносились приглушенные голоса.

– Эй! – крикнула она, барабана кулаком в дверь. – Мне нужна мисс Чен.

Соседом Анны оказался молодой парень, с виду типичный менеджер – волосы его были стянуты в «конский хвост», а украшенная монограммой рубашка расстегнута до пупа. Поскольку подол рубашки прищемило молнией, было ясно, что одевался он второпях. Бросив взгляд поверх его плеча, Барри заметила смущенную девушку – похоже, парочка развлекалась, устроив пикник прямо на полу гостиной.

– Простите, что побеспокоила... – начала она, но юноша не дал ей договорить.

– Если ищете Анну, так она переехала, – перебил он, видимо, горя желанием поскорее вернуться к прерванному пикнику. Ну, или чем они там еще занимались.

– Когда?

– Где-то на прошлой неделе. В пятницу или в четверг, не помню. Но точно до выходных, поскольку в субботу управляющий велел сделать в квартире уборку. Так что тут все выходные толклись уборщицы.

– А вы случайно не знаете..?

– Куда она переехала? Откуда? Но ведь она работает в окружной больнице. Можете у них спросить.

– Уже не работает.

– Тогда вряд ли я еще чем-то смогу вам помочь.

* * *

– Спасибо, что заехал, Дэйли. – Как обычно, Барри вошла в дом через заднюю дверь. В кухне царил райский аромат.

– Я получил твоё сообщение. «Приезжай к семи. Приготовь ужин». Перед столь любезным приглашением невозможно устоять.

Дэйли стоял у плиты, помешивая в кастрюльке соус к спагетти. Вокруг талии у него был повязан кокетливый фартук с Санта-Клаусом. Барри с трудом вспомнила, что получила его в подарок пару лет назад и с тех пор ни разу не надевала. Интересно, где Дэйли его откопал?

– Пахнет изумительно. – Барри с трудом отпихнула от себя Кронкайта, обезумевшего от радости при виде вернувшейся домой хозяйки.

– Угу. Эта зверюга слопала здоровенный бифштекс с кровью, так что можешь не переживать. – Отложив ложку, Дэйли повернулся к ней. – Кстати, что это еще за шпионские штучки? С какой это радости мне теперь нужно оставлять машину подальше от дома, а потом пробираться сюда какими-то огородами? И самое главное, почему вместо того, чтобы войти, как нормальный человек, я должен был незаметно проскользнуть в дом через заднюю дверь?

– Потом объясню. После ужина.

Дэйли пришлось довольствоваться этим ответом. Быстро поев, они перебрались в гостиную. Дэйли развалился в уютном старомодном кресле, а Кронкайт пристроился рядом, благодарно положив голову ему на колени. Барри беспокойно кружила по комнате. Для начала она дважды проверила, заперта ли входная дверь, потом опустила жалюзи, чтобы их не могли увидеть с улицы.

– Холера... что происходит? – наконец не выдержал Дэйли.

Барри, приложив палец к губам, включила телевизор, сделала звук погромче и уселась, придвинув кресло вплотную к Дэйли.

– Держу пари, ты решишь, что я преувеличиваю, – начала она, – но мне кажется, за мной следят. Сегодня во второй половине дня я осталась без связи, потому что мой сотовый почему-то оказался вне зоны действия сети. Так что с этой минуты никаких телефонных звонков, понял? И следи за каждым словом – нужно быть очень осторожным, особенно когда речь идет о Ванессе Меррит.

Дэйли выразительно кивнул в сторону громко работающего телевизора.

– Думаешь, твой дом напичкан «жучками»?

– Скажем так, меня бы это не сильно удивило. – Барри торопливо поведала ему об исчезновении Анны Чен. – Я поговорила с управляющим. Она не предупредила заранее, что съезжает, просто заплатила, после чего собрала вещи и испарилась.

– Ну, у нее могли быть сотни причин, чтобы съехать. Другая работа, другая квартира.

– Она не оставила свои контакты никому ни в больнице, ни в жилом доме. Согласись, это странно, особенно для того, кто просто решил переехать.

– Может, Анна решила сбежать от приятеля, который ей угрожал.

– Она была напугана, но голову даю на отсечение, что приятель тут ни при чем. Она боялась, что кто-то увидит, как она разговаривает со мной. Видимо, кто-то пронюхал, что она сливает мне информацию, и ей пригрозили, чтобы держала рот на замке.

Дэйли, задумчиво покусывая губу, молча смотрел на подругу.

– Почему не было вскрытия? – продолжала Барри. – Доктор Аллан не присутствовал при смерти ребенка. По закону, если смерть наступила внезапно, да еще при невыясненных обстоятельствах, аутопсия обязательна.

– Барри, мы ведь говорим о президенте и первой леди Соединенных Штатов. Держу пари, в таких случаях закон можно обойти.

– Послушай, если бы твой ребенок умер при невыясненных обстоятельствах, неужели бы ты не захотел узнать, почему это произошло? Почему Мерриты не захотели проводить вскрытие, если им нечего скрывать?

– Ну, не они первые, не они последние – в конце концов, многим это не нравится, – возразил Дэйли. – Что-нибудь еще?

– Мне не дают покоя странные фразы, которые пару раз обронила Ванесса. Как думаешь, может это быть завуалированное признание?

– Если она убила собственного ребенка, и это сошло ей с рук, с чего бы ей сознаваться?

– Может, чувство вины? Возможно, в глубине души она жаждет признаться и понести наказание?

– Знаешь, чем больше ты о ней рассказываешь, тем больше мне кажется, что она чокнутая.

– Кстати, где, по-твоему, она сейчас? – встрепелась Барри, стараясь при этом говорить шепотом. – В Хай-Пойнте? Там у Мерритов имеется личная резиденция на реке Шенандоа, это всего в паре часов езды к юго-западу от Вашингтона.

– Очень может быть, – кивнул Дэйли, – хотя, согласно официальному заявлению, местопребывание первой леди не может быть названо.

– Если со здоровьем у нее все в порядке и речь идет лишь об отдыхе, то для чего такая секретность?

– Ну, а если это не так и речь идет о чем-то серьезном, то сенатор Амбрюстер наверняка приложил к этому руку, – уверенно сказал Дэйли. – Держу пари, он поместил ее в лучшую клинику, где она сможет пройти всестороннее обследование. Кстати, ты не пыталась поговорить с кем-нибудь в его офисе?

– Пыталась, конечно. С Нили, например, – и не услышала ничего, кроме обычных уверток.

– Если ее здоровью угрожает опасность, вряд ли сенатор удовлетворится тем, что его дочери просто позволят отдохнуть в уединении. Готов поспорить, что он поставит всех на уши, но добьется, чтобы ее лечили лучшие врачи.

– Конечно. Впрочем, знай он, что его дочь совершила убийство, он точно так же сделал бы все возможное, чтобы избежать огласки и защитить ее от правосудия.

– Холера! – проворчал Дэйли. – Тут я с тобой согласен.

– Ты пытаешься найти слабое место в моей версии, – возмутилась Барри. – Тебе просто не хочется, чтобы я оказалась права!

– Ты ошибаешься. Чего я действительно не хочу, так это чтобы ты опять попала пальцем в небо. Помнишь, как тогда, с судьей Грином? Да разве только с ним одним?

– Сейчас все по-другому.

– Надеюсь, что так. После нескольких провалов тебя только-только начали воспринимать всерьез. Ты хоть представляешь, какой поднимется вой, если кто-то пронюхает о твоём расследовании и сольет информацию в газеты?

– А ты представляешь, какой карьерный взлет ожидает меня, если окажется, что все это правда?

– Прежде, чем ты снова погрузишься в мир грез, проверь те факты, которыми располагаешь. А их немного, и по большей части это всего лишь подозрения. Вот так-то, Барри. Без фактов всему этому грош цена, это тебе скажет любой репортер.

– Вовсе нет, – с жаром возразила Барри. – Конечно, никто спорит, лучше всего застучать убийцу стоящим над телом жертвы с окровавленным ножом в руках. Или первым примчаться на место авиакатастрофы. Или увидеть, как кто-то прыгнул с моста. А так... Любое

расследование начинается с подозрений, когда ты нутром чувствуешь, что тут скрывается нечто большее, чем кажется на первый взгляд.

Барри немного помолчала. Ей очень хотелось донести до Дэйли, насколько для нее важно это расследование. Она не гналась за сенсацией, дело было скорее в моральной стороне вопроса. Барри наткнулась на нечто жуткое, на неприглядную тайну, в центре которой оказалась жизнь невинного ребенка.

– Не знаю, поверишь ты или нет, Дэйли, но мною движут совсем не такие шкурные мотивы, как ты, наверное, думаешь. Я действительно беспокоюсь за Ванессу. Когда мы виделись в последний раз, нервы у нее были натянуты, как струна. Допустим, я делаю из мухи слона, и ее малыш действительно умер от СВДС. Может, она слегка помешалась от горя. Но если это так, если ее душевное состояние стало представлять определенное неудобство для Белого дома, разве так уж трудно поверить, что ее держат где-то подальше от посторонних глаз?

– Думаешь, президент приказал держать Ванессу взаперти против ее воли?

В устах Дэйли это прозвучало до смешного нелепо.

– Полный абсурд, тебе не кажется? Звучит совсем неправдоподобно.

– Не более, чем все остальное в этой истории. – Дэйли немного подумал. – С другой стороны, власть, как правило, сильно меняет психологию человека. История знает немало примеров, когда президент был готов на все, лишь бы сохранить свой пост. Я хочу сказать, что это относится и к необходимости посадить под замок первую леди, если у нее что-то не в порядке с головой, раз уж это может помешать его предвыборной кампании.

– Боже! – При этой мысли Барри передернуло. – Час от часу не легче!

– Пока это все лишь теория.

– Хватит постоянно об этом напоминать! – буркнула она.

– Это моя работа.

– Ты уже давно не мой босс.

– Совершенно верно. Теперь я просто твой друг. Послушай, Барри, – Дэйли пару раз глубоко вздохнул, – сейчас общественное мнение на твоей стороне. Но будь осторожна. Не увлекайся.

Барри терпеть не могла, когда он говорил с ней подобным тоном.

– Решил поработать психоаналитиком, Дэйли? – фыркнула она. – Захотелось покопаться у меня в голове?

– Я и так знаю, что там происходит. Впрочем, как и ты сама.

– Тогда для чего это обсуждать? – рассердилась она.

– Ты можешь, положив руку на сердце, поклясться, что твое упорное желание и дальше копаться в этой грязной истории никак не связано с навязчивым желанием добиться одобрения в глазах тех двоих, кто...

– Могу даже поклясться, если хочешь, – перебила его Барри. – И потом, какая разница, почему я это делаю? Главное, люди должны знать правду. Согласен?

– Ну, если за всем этим действительно что-то кроется, то да. Согласен, – угрюмо промолвил Дэйли.

– Вот и договорились. А раз так, то хватит копаться в моих прошлых грехах – лучше помоги, хорошо?

– Как?

– Кто захочет со мной говорить? Сенатор?

Дэйли покачал головой.

– Не важно, во что он верит, в такой ситуации он будет с пеной у рта поддерживать версию Белого дома, чтобы не сорвать предвыборную кампанию. Он политик до мозга костей и не станет ставить палки в колеса президенту-однопартийцу, будь он хоть сам Джек-потро-

шитель. Тем более речь идет о его собственном зяте. Сенатор, можно сказать, сам его туда посадил.

– Ладно, тогда кто? Я имею в виду, из числа близких знакомых Мерритов? Лучше всего обработать людей из его команды. Например, тех, чья карьера потерпела крах. Или... – Внезапно ее осенило. – Господи, конечно! Тот солдат, что пытался спасти заложников! Как его звали?

– Ты говоришь о... Бондюран?

– Точно, Бондюран! Гэри Бондюран!

– Грей, – поправил Дэйли.

– Правильно, Грей. Они с Мерритом в свое время были неразлейвода. Может, он согласится поговорить со мной.

Дребезжащий смех Дэйли, смахивающий на скрежет напильника, болью отозвался в сердце Барри.

– С таким же успехом можно попытаться взять интервью у голов на горе Рашмор⁵! Держу пари, они отнесутся к этому с куда большим энтузиазмом, чем Грей Бондюран. Насколько я его знаю, он так же мил и дружелюбен, как гигантская кобра, которой наступили на хвост.

– Ты что-нибудь о нем знаешь? Ну, хотя бы откуда он взялся?

– Можно только гадать, – пожал плечами Дэйли.

– Не мог же он просто материализоваться из воздуха, учитывая, что Меррит в свое время назначил его советником, – раздраженно буркнула Барри.

– На первый взгляд выглядит именно так, – пожал плечами Дэйли. – Спенсер Мартин точно так же скрывает свое прошлое. Кто слышал о них до того, как они пришли работать в администрацию Меррита? Сдается мне, эти парни специально окружают себя такой атмосферой секретности.

– Для чего?

– Для пущего эффекта.

– А чем занимался Бондюран до той спасательной операции?

– Планировал ее – во всяком случае, так мне кажется. Эта троица – Бондюран, Мартин и Меррит – в прошлом служили в морской пехоте. Из них троих Меррит единственный обладал тем, что называется светскими манерами. Прирожденный политик. Спенсер Мартин – изворотливый мерзавец. Впрочем, в администрации любого президента нужна такая фигура. А Бондюран... Он, что называется, темная лошадка. Хочешь, скажу одну вещь? Этот парень всегда наводил на меня страх. И, сдается мне, на Меррита тоже.

– Я думала, Мартин уволил его, поскольку Бондюран питал нежные чувства к Ванессе.

– Ты что, с Луны свалилась? – буркнул Дэйли. – Где ты была, когда произошла вся эта история? Кстати, ведь это было не так уж давно.

– Хови тогда за что-то обозлился и загрузил меня подготовкой большого репортажа о профессиональном рестлинге. В итоге я все пропустила – и возвращение Бондюрана, и то, как его выперли из Белого дома. Он ведь уехал из Вашингтона?

– Ну, на самом деле ты почти ничего не пропустила. Бондюран тогда настроил против себя всех репортеров – он избегал появляться перед камерой и наотрез отказывался давать интервью. Таблоиды, как водится, печатали всякую чушь. Но во всем этом не было ни слова правды.

– А что же было на самом деле?

⁵ Рашмор – гора в горном массиве Блэк Хиллс, штат Южная Дакота, США. Известна тем, что на ней высечен гигантский барельеф высотой 18,6 м, который содержит скульптурные изображения четырех президентов США – Джорджа Вашингтона, Теодора Рузвельта, Томаса Джефферсона и Авраама Линкольна.

– Если бы я знал! Но если Меррит вбил себе в голову, что Бондюран положил глаз на первую леди, то почему он поручил ему возглавить спасательную операцию? Можно сказать, сам сделал Бондюрана национальным героем. Как-то не похоже на поступок ревнивого мужа, верно?

Дэйли многозначительно помахал перед носом Барри пальцем.

– А кроме этого, имеется еще один факт, который ты наверняка истолковала неверно. Президент его не уволил. После той операции он предложил Бондюрану занять свой прежний пост в Белом доме. А тот поблагодарил Меррита и отказался наотрез.

– А ты откуда знаешь?

– Не только у тебя есть информаторы, радость моя. Может, я и стою одной ногой в могиле, но второй еще способен открыть некоторые двери в Вашингтоне.

– Раз ты у нас такой осведомленный, может, скажешь, где сейчас Бондюран?

– Переехал куда-то на Запад. В один из этих квадратных штатов⁶.

⁶ Имеется в виду Колорадо, Вайоминг и другие штаты, имеющие форму четырехугольника.

Глава 8

Она опустила до того, что пригласила его на обед. Согласилась поехать в его любимую закусную. Закрывает глаза на то, что он жадно набросился на еду, не дожидаясь, когда принесут ее заказ.

– Ну пожалуйста, Хови! Сделай мне одолжение. Двух дней мне хватит, – умоляла она.

Хови молча подобрал коркой остатки мясной подливки на тарелке и засунул ее в рот. Барри смотрела, как он жуёт.

– А дорожные расходы? – продолжая жевать, пробубнил он. – Сама знаешь, в нашем бюджете нет такой статьи.

– Пусть будет за мой счет. Я сохраню все чеки. А бухгалтерия потом возместит расходы – при условии, что репортаж понравится зрителям.

Барри рассчитывала, что подобная самоотверженность встретит в сердце Хови живой отклик. Ее же подстегивала надежда сделать сенсационный репортаж – такой, что вся нация ахнет, – а до этого, по мнению Барри, оставалось совсем немного. Только это могло заставить ее наступить ногой на горло и пообедать с таким занудой, как Хови.

В настоящий момент он тщательно пережевывал жареный лук. А так же ее просьбу.

– И куда ты собралась?

– Пока это секрет.

– Хорошенькое дело! Куда едешь – секрет, о чем репортаж – тоже, а я, выходит, должен дать тебе два дня отпуска, и это просто так, за здорово живешь?

– Послушай, это будет настоящая бомба. Так что, сам понимаешь, приходится держать язык за зубами. – Перейдя на шепот, Барри придвинулась вплотную, стараясь не замечать исходившего от Хови тошнотворного запаха лука с чесноком, от которого у нее заслезилась глаза. – Если хоть слово о том, чем я занимаюсь, просочится наружу, то любой, кому об этом известно, окажется в опасности.

– Погоди, не так быстро, – простонал он. – Но если так, то почему ты не попыталась всучить эту хрень кому-то с Эн-би-си? Наверняка нашелся бы какой-нибудь лопух, который купился бы на этот крючок.

– Спасибо, Хови. Я ждала, когда ты это скажешь. – Барри потянулась за сумочкой.

Растерявшийся поначалу Хови подозрительно прищурился.

– Эй, я-то думал, ты расстроишься!

– Ничуть. Зато я теперь могу с чистой совестью пойти к Дженкинсу. Мне не хотелось обращаться к нему через твою голову, вот я и решила сначала поговорить с тобой. Но раз ты против, то я отправлюсь к Дженкинсу.

При одном лишь упоминании всемогущего директора телестудии Хови посерел от ужаса.

– Держу пари, Дженкинс меня поддержит, – просипел он, изо всех сил стараясь держать себя в руках. – И будет смеяться до колик, если тебе хватит наглости заикнуться о дорожных расходах.

– Не думаю, – жизнерадостно заявила Барри. – Я не показывала служебную записку, которую он мне прислал?

Глаза Хови превратились в узкие щелки.

– Он восторженно отозвался о серии репортажей на тему СВДС. И попросил меня подготовить еще что-то в таком же духе. Посоветовал не растрчивать талант на всякую чепуху. Кстати, он добавил, что я вполне могла бы сделать карьеру на общественном поприще. Может, даже за границей – ну, я имею в виду личные встречи, речи и все такое. – Барри

нахмурилась. – Мне казалось, он должен был поставить тебя в известность. Неужели нет? Что ж, неудивительно, он ведь так занят – возможно, просто руки не дошли.

Барри боялась, что Хови не поверит в эту чушь – ничуть не бывало, проглотил, как миленький!

– Я должен подумать, – промямлил он.

– Не нужно. Правда. Забудь об этом. Я поговорю с Дженкинсом.

– Стой! Подожди! Ради всего святого, погоди минуту. Нельзя же вот так набрасываться на людей, а потом убегать, – проворчал Хови, потеряв ухо, видимо, обдумывал ее слова. – А ты уверена насчет сенсации? – осторожно спросил он.

– Не то слово! Настоящая бомба!

Хови подмигнул проходившей мимо окна девушке, откусил кусочек огурца и почесал затылок.

– Ладно, считай, что я дал тебе пару дней, – великодушно бросил он. – Но не вздумай меня продинамить.

При одной мысли об этом Барри бросило в дрожь.

* * *

– Добро пожаловать в Пондеросу, – пробормотала себе под нос Барри, миновав открытые ворота. Посыпанная гравием дорожка, по которой она ехала, вела к дому Грея Бондюрана.

Проделав весь путь под вымышленным именем, воспользовавшись фальшивым водительским удостоверением, который изготовил для нее один из самых опасных информаторов Дэйли, и везде расплачиваясь наличными, чтобы никто не смог напасть на ее след, к вечеру Барри наконец добралась до места. Возможно, кто-то, узнав о принятых ею мерах предосторожности, счел бы ее параноиком, но журналистка предпочла перестраховаться.

Дом Бондюрана располагался в настоящей дыре даже по местным стандартам. Одноэтажный фермерский домишко притулился среди немногочисленных осин, листва которых только-только начала покрываться яркими осенними красками. Чтобы подъехать к дому, Барри пришлось перебраться через небольшое ущелье, на дне которого весело журчал ручей с кристально чистой водой.

Дом был сложен из бревен и каменных валунов, вокруг по периметру тянулась крытая веранда. В загоне паслись три лошади. К задней части дома был пристроен амбар, казавшийся старше самого дома, и гараж, в котором тосковал одинокий снегоход. У внешней стены амбара виднелась аккуратная поленица. Если не считать лошадей, других обитателей поблизости не наблюдалось.

Оказавшись здесь, Барри внезапно почувствовала нечто вроде благоговейного трепета. Местность вокруг казалась суровой и пугающей. Рядом с исполинскими горными вершинами она вдруг ясно ощутила собственную ничтожность. Наверняка Грея Бондюрана не мучают такие мысли, уныло подумала она. Выбравшись из арендованной машины, Барри мысленно повторила заранее подготовленную речь. Она почти ничего не знала об этом человеке, но и крупиц информации, полученной от Дэйли, было достаточно, чтобы понять, что Бондюран вряд ли примет ее с распростертыми объятиями.

Впрочем, ее опасения оказались преждевременны – дома не было ни души. Она поняла это после того, как несколько минут сначала звонила, потом барабанила в дверь. Вот черт! А она-то уже настроилась на встречу с бывшим морским пехотинцем. Положив столько трудов, добравшись в такую глухомань и потратив кучу денег, Барри была намерена не уезжать, пока не вытащит из Бондюрана ценные сведения. Мысль о позорном возвращении в Вашингтон не вызвала у нее энтузиазма.

Решив дождаться возвращения Бондюрана, она с решительным видом уселась в стоявшую на веранде качалку – с этого места открывался потрясающий вид на горы Титон. Ладно, можно просто сидеть, покачиваясь в качалке в ожидании хозяина, подумала Барри, и заодно наслаждаться красотой природы. Терпения ее хватило на четверть часа. По истечении этого времени Барри столкнулась с еще одним явлением природы, на этот раз из области биологии. Ей позарез понадобилось в туалет.

Кое-как вытерпев еще пятнадцать минут, Барри выбралась из качалки и направилась к входной двери. Поскольку двери гаража были открыты, оставалась надежда, что и дверь в дом хозяин оставил незапертой. Так и оказалось.

Дверь вела прямо в жилые комнаты. Необработанные балки поддерживали высокий потолок, большую часть каменной стены напротив входа занимал громадный камин. С первого взгляда на обстановку становилось ясно, что обитатель дома – мужчина. Громоздкая мебель, обитая травянисто-зеленой тканью, голые окна без занавесок, на полу потерянные ковры из грубой шерсти, смахивающие на лошадиные попоны. В доме стояла мертвая тишина, не нарушаемая даже тиканьем часов. Барри потянула носом – и ощутила слабый запах дыма и... мужчины.

Последний чувствовался настолько явственно, что она поспешно обернулась и ничуть бы не удивилась, если бы Бондюран внезапно оказался за ее спиной.

Мысленно обругав себя за глупость, Барри пересекла комнату и обнаружила за ней просторную спальню. Тут тоже стояла тяжелая мебель – на ее фоне небурная кровать Бондюрана выглядела тепло и уютно, что вызвало у Барри странную дрожь, но она предпочла проигнорировать это чувство. К спальне примыкала ванная.

В стаканчике на раковине стояла одинокая зубная щетка. На полке стопкой были сложены полотенца, на крючке висела мужская рубашка. Барри не устояла перед соблазном пощупать ее. Хлопок. Немнущийся. Удобно!

Ванная поражала какой-то стерильной чистотой, только флакон с туалетной водой покрылся слоем пыли – видимо, ею нечасто пользовались. Барри так и подмывало сунуть нос в висевший над раковиной шкафчик, но она удержалась от искушения, решив, что это уже вторжение в личную жизнь.

Воспользовавшись туалетом, Барри помыла руки, после чего вытерла их полотенцем – к ее удивлению, оно оказалось слегка влажным. Похоже, им недавно пользовались. Барри почувствовала неловкость и какое-то непонятное возбуждение, вновь ощутив незримое присутствие жившего здесь мужчины, настолько сильное, что она вновь обернулась, испугавшись, что он таки стоит у нее за спиной.

Эта мертвая тишина в доме сводит с ума, сердито чертыхнулась она про себя.

Через спальню она крадась на цыпочках, мысленно дав себе слово, что тут же уберется из дома, вот только выпьет стакан воды. И едва не рассмеялась, сообразив, что обращается к невидимому хозяину.

Кухню она отыскала легко. В холодильнике скучала одинокая упаковка пива. И больше ничего – ни минералки, ни содовой. Барри налила стакан воды из-под крана, добавив туда пару кубиков льда из морозилки, в которой лежал кусок говядины и что-то еще.

Твердо решив сдержать данное себе слово, Барри вернулась на веранду и принялась ждать. Вероятно, хозяин вернется к вечеру – вряд ли он оставил бы дверь незапертой, если бы уехал надолго, решила она.

Солнце, повисшее над горами, истекало кровью, окрашивая небо над горизонтом в багровые и пурпурные цвета. Небо было густо усыпано звездами. Барри, всю жизнь прожившая в городе, никогда не видела столько звезд. Прямо над головой мерцал Млечный Путь.

С наступлением темноты резко похолодало. Барри зябко обхватила себя руками, чтобы согреться. Несмотря на холод, глаза у нее слипались, голова то и дело падала на грудь. Ее

организм еще не успел приспособиться к местному времени, а будильник сегодня поднял ее на ноги в пять утра.

– Хватит валять дурака, – сердито бросила она, клацая зубами.

Барри решительно зашла в дом, забралась на диван и уютно свернулась калачиком. Через минуту она уже спала крепким сном.

Глава 9

Бильярдные шары стукнулись друг о друга. Хови Фрипп, увидев, что загнал один из шаров в лузу, вызывающе фыркнул.

– Надо же! Выиграл! Который уже раз?

– Третий.

– Ух ты! Пятнадцать баксов! Еще?

– Нет уж, уволь. Ты и так меня обчистил.

Хови взял протянутые ему три бумажки по пять долларов, сунул их в карман и уже открыл было рот, чтобы отпустить еще одно ехидное замечание в адрес своего соперника, однако то, что он прочел в его глазах, наводило на мысль, что это не слишком хорошая идея.

– Меньшее, что ты можешь сделать, это угостить меня выпивкой, – поджав губы, заметил проигравший.

– Выпить? О, конечно, конечно, – закивал Хови. – Что тебе заказать?

Тот предпочел водку со льдом, и Хови отправился в бар, чтобы сделать заказ. Через пару минут он вернулся, прихватив для себя кружку пива, – его собеседник уже устроился за одним из столиков.

– Только я ненадолго, – предупредил Хови, присаживаясь. Ему хотелось уйти как можно скорее, тем более его недавний соперник уже сделал знак бармену, попросив повторить заказ. Если так пойдет, то от его выигрыша ничего не останется. – Хочу пораньше вернуться на работу.

Мужчина напротив поднес к губам рюмку.

– Что у тебя за работа?

– Я журналист канала новостей, – похвастался Хови, тряся солонкой над кружкой с пивом. – Канал WVUE, слышал о таком?

– Так ты с телевидения? Ведущий?

– Не-а, я такой ерундой не занимаюсь. Работа в эфире для идиотов, говорящих голов. А задания им даю я.

– Выходит, в какой-то степени за то, что выходит в эфир, отвечаешь ты?

– Не в какой-то степени, а целиком и полностью, – напыжился Хови, почувствовав растущий интерес собеседника. – Это я решаю, кому какой репортаж делать, что из всего этого отправится в корзину и кого выпустить в эфир, а кого нет. Да ты представить себе не можешь, сколько решений мне приходится принимать каждый день!

– Да уж, похоже, ответственная у тебя работенка.

– Это точно. Я этим живу, – с жаром поддакнул Хови.

Покосившись на собеседника, Хови Фрипп вдруг поймал себя на том, что именно такое лицо жаждет увидеть в зеркале, когда бреется. Иной раз он тешил себя надеждой, что и сам производит на окружающих такое же впечатление, что и его новый приятель. Похоже, он прекрасный собеседник, к тому же обладает завидным умением сохранять хладнокровие в любой ситуации – ничем не выдал досады, продув в бильярд три раза подряд. Словом, парень из числа тех, кому женщины сами вешаются на шею, а мужчины относятся с опасливым уважением.

– Должно быть, ты в курсе всего, что происходит, – заметил его собеседник. – Самым первым узнаешь новости и все такое, да?

– Это точно.

– Ну, и что новенького?

Хови лихорадочно пытался сообразить, что бы такое рассказать, чтобы поразить своего невозмутимого собеседника.

– Дай подумать... Например, один из моих репортеров оказался на месте вчерашней стрельбы буквально через пару минут, как все закончилось. Даже успел заснять тела до того, как их упаковали в мешки.

Мужчина напротив бросил скучающий взгляд на часы.

– Что ж, с удовольствием сыграл бы с тобой еще. Но сейчас, извини, мне пора.

– Эй, я вспомнил! Самая шумевшая передача за последнее время – репортаж о синдроме внезапной детской смерти! Ну, когда младенец умирает во сне. Это мы ее выпустили! – заторопился Хови, заметив, что интерес его собеседника заметно угас.

– В самом деле?

В яблочко!

– Да, и идея была тоже моя. После того, как президент с женой потеряли ребенка, сам понимаешь...

– Да, ужасно.

– Нам даже удалось взять интервью у первой леди, – похвастался Хови.

– Повезло. Она ведь нечасто соглашается давать интервью, верно?

– Точно. А нам дала. Причем, эксклюзивное.

– И как же вам это удалось?

– Ну, ты же знаешь, как это делается. Сделал пару звонков. Кое-кого подмазал. – Хови самодовольно пожал плечами, ясно давая понять, что в Белом доме у него все схвачено. – Может, еще по одной?

– Нет, спасибо. Если соглашусь, то одной мы вряд ли ограничимся, – усмехнулся мужчина.

Хови заулыбался. У него было мало друзей. Точнее, вообще не было – во всяком случае, таких, кому можно излить душу. Может, хоть теперь появится один. От этой мысли он даже почувствовал легкое головокружение.

– А я видел то интервью с первой леди, – бросил мужчина. – Впечатляет. Кстати, а как имя той журналистки, которая его брала?

– Барри Тревис. – Хови не упустил случая намекнуть, что это он ее нанял. – Помню, она долго сидела без работы. Ну, я и подумал – какого черта? Дам девочке шанс. К тому же она красotka.

– Раз уж все равно приходится брать их на работу, так почему бы не нанимать хороших, верно? – С губ мужчины сорвался смешок.

Хови ухмыльнулся – они с этим парнем понимали друг друга с полуслова.

– Это точно, старик, – заговорщически подмигнул он. – У нас с Барри все было уже вроде как на мази, но потом я дал задний ход – эти служебные романы до добра не доводят, ну, ты меня понимаешь. Но она молодец. У меня с ней не было никаких хлопот – не то что с другими до нее. Кстати, из нее получился чертовски хороший репортер. Схватывает все на лету. Может, не в меру амбициозна, а так ничего.

– Это как?

– А то ты не знаешь? Сделала репортаж – заметь, под моим руководством – он имел успех, ну и у девочки закружилась голова. Возомнила себя бог знает кем. Теперь вот доводит меня до белого каления – все твердит, что, мол, нарыла что-то потрясающее.

– В самом деле? – Хови заметил, что его собеседник перестал нетерпеливо поглядывать на часы. Похоже, он даже забыл, что торопится на работу – уселся поудобнее и явно приготовился слушать. – И что на этот раз?

– В том-то все и дело, что паршивка мне не рассказала!

– Да брось! – не поверил мужчина. – Кому я проговорюсь?

– Правда, не знаю. Клянусь. Сказала только, что если все так, как она думает, скандал разразится почище Уотергейта.

– Должно быть, нечто сенсационное. – Губы мужчины искривились в улыбке.

– Еще бы! Иначе стала бы она отпрашиваться у меня? Сказала, хочет что-то разузнать, а для этого ей нужно на пару дней уехать из города.

– И куда, если не секрет?

В его голосе звякнул металл, и рука Хови, которой он потянулся за орешками, внезапно повисла в воздухе. Только сейчас до него дошло, что он, расхваставшись, едва не выболтал собеседнику важную информацию.

– Понятия не имею, – промямлил он. – Она не сказала.

– Неужели даже не намекнула? – Мужчина снова растянул губы в улыбке.

– Не-а.

– Не девушка, а сплошная тайна.

– Женщины, что тут сказать? Кто их поймет? – Орешки внезапно застряли в пересохшем горле, и Хови, раскашлявшись, потянулся за пивом.

– Ну что ж, уже поздно, а ты собирался вернуться на работу пораньше. Спасибо за выпивку.

Новый знакомый поднялся из-за стола. Хови поспешно последовал его примеру.

– Рад был встрече, – пробормотал он.

– Еще бы, везунчик ты этакий. Вернешься домой, став на пятнадцать баксов богаче.

– Может, как-нибудь пересечемся, – пробормотал Хови, надеясь, что его собеседник не сочтет это за навязчивость. – Я тут бываю пару раз в неделю. Ну, когда нет других дел. Захожу выпить с приятелями.

– Что ж, тогда до встречи. – они обменялись рукопожатием.

Хови проводил его восхищенным взглядом. Эх, вот бы ему научиться так держаться! Мужчина шел по залу уверенно и вместе с тем независимо, Хови почувствовал легкий укол зависти. Что-то подсказывало ему, что больше он его не увидит.

* * *

Проехав пару кварталов, Спенсер Мартин оглядел себя в зеркале заднего вида, рассмеялся и стащил с головы бейсболку с пришитыми сзади длинными, вьющимися волосами, потом отодрал приклеенные фальшивые усы. К сожалению, избавиться от пропитавшего его одежду запаха табачного дыма и кислого аромата пива, стоявшего в баре, куда он потащился вслед за Хови Фриппом, будет сложнее, недовольно подумал он.

Ну и мразь, с содроганием думал Спенсер по дороге в Белый дом. К счастью, ему удалось выведать у него все, что им с президентом хотелось узнать. Итак, Барри Тревис ведет журналистское расследование, собираясь сделать из этого сенсацию. Но имеет ли это отношение к Дэвиду и Ванессе?

Будь Фриппу что-то известно, он бы наверняка проболтался. Стало быть, ему неизвестно, чем занимается Тревис. Спенсеру Мартину, увы, пока тоже. Впрочем, это дело поправимое, решил он. И поклялся, что не успокоится, пока во всем не разберется.

* * *

– Что ж, рад, что вы всем довольны, миссис Гэстон... Нет, нет, я уверен, миссис Меррит одобрит мой выбор... Хорошо. Теперь насчет нашей договоренности на завтра: машина заедет за вами в шесть тридцать. Да, знаю, немного рановато, но... Хорошо. Отлично. Тогда до встречи. Доброй ночи.

Джордж Аллан в задумчивости уставился на телефонную трубку, словно не зная, что с ней делать, когда на пороге кабинета появилась его супруга с двумя чашками кофе в руках. Одну она поставила перед ним на стол, а сама устроилась на кожаном диване напротив мужа.

– Кто звонил?

Кабинет доктора Аллана располагался на втором этаже их стильного и при этом достаточно уютного особняка в самом конце Массачусетс-авеню, более известной, впрочем, как Посольская улица. Джордж Аллан поднес к губам чашку.

– Мальчики в постели?

– Да, но я позволила им поиграть еще десять минут. А потом велела потушить свет и ложиться спать. Так кто это был? – повторила Аманда, кивнув на телефон.

– Частная медсестра, которую я пригласил ухаживать за Ванессой. Она чуть с ума не сошла, когда я сказал, кто будет ее пациенткой. Даже сначала не поверила, что речь идет о первой леди.

– Ванессе нужна сиделка?

Алланы знали Мерритов еще с тех пор, когда те, только что поженившись, пытались привыкнуть к семейной жизни, и это у них не очень-то получалось.

– Просто на всякий случай, – нахмурился Джордж. – Дэвид считает, что она нуждается в постоянном присмотре квалифицированной медсестры.

– Вот как, – протянула Аманда. – А я думала, ей просто необходим отдых.

– Так и есть.

– Но раз ей нужен постоянный медицинский уход, не разумнее было бы поместить ее в клинику?

– Хватит меня допрашивать, Аманда! – Джордж так стремительно поднялся из-за стола, что кресло, отъехав в сторону, с грохотом ударилось о стену. Открыв бар, он извлек бутылку бренди и щедро плеснул себе в кофе.

– Даже не думала, – мягко сказала жена.

– Ну да, как же! Проклятье! Любой разговор ты почему-то превращаешь в перекрестный допрос.

– Сам виноват! – отрезала Аманда. – Стоит только задать вопрос, даже самый невинный, как ты тут же лезешь на стенку. Вот чего ты так ощетинился, скажи на милость?

– Потому что никакой это не невинный вопрос, Аманда! Что ты пытаешься из меня вытянуть?!

– Ну, знаешь! Тебе не кажется, что это уже отдает паранойей? – возмутилась она. – Что такое известно о тебе Дэвиду, что ты шарахаешься от собственной тени? Даже во мне видишь врага!

– Ты сама не знаешь, о чем говоришь.

– Зато я знаю, что ты очень изменился, Джордж, с тех пор, как согласился стать его личным врачом. Тебя просто не узнать.

– Ты ошибаешься, Аманда.

– Папа!

Резко обернувшись, Джордж увидел стоявших на пороге сыновей. В своих пижамках, с дочиста отмытыми, сияющими лицами, они казались такими милыми и невинными, что у доктора запершило в горле. Гнев его угас, как по волшебству.

– Привет, ребята. Входите.

Какое-то время они смущенно переминались с ноги на ногу, потом старший взял младшего брата за руку и нерешительно переступил порог гостиной. Малыш послушно заковылял за ним. Джордж усадил обоих сыновей на колени и крепко прижал их к себе.

От обоих пахло мылом, зубной пастой и шампунем. Запах чистоты, с горечью подумал Джордж. Он уже почти забыл, как пахнет чистота. От него самого давно уже так не пахло.

– Я получил пятерку по математике, – гордо объявил старший из мальчиков.

– А меня сегодня на уроке попросили почитать вслух. Я все слова знал! – моментально влез в разговор другой.

– Молодцы! Вы оба заслуживаете награду. Как насчет того, чтобы повеселиться в выходные? Например, сходить вместе в кино? Или поиграть на игровых автоматах? Как вам такая идея?

– А мама пойдет?

Джордж покосился на Аманду.

– Конечно, мама тоже пойдет. Если захочет, конечно.

– Мам, ты хочешь?

Аманда улыбнулась сыновьям.

– Чего я сейчас больше всего хочу, так это увидеть вас обоих в постели.

Мальчишки полезли к ней обниматься, явно используя любую возможность задержаться подольше в комнате, но Аманда была неумолима – прикрикнув на сыновей, она вывела их из кабинета и отправила в детскую.

Спустя час, когда Джордж спустился в спальню, Аманда уже была там – сидя перед зеркалом, она расчесывала волосы, все такие же длинные и густые, как когда они познакомились. Темные, как и ее глаза – цвета горького шоколада, подумал Джордж.

Собираясь ложиться спать, Аманда уже переделалась в пижамные брюки и топик на тонких бретельках. Стоя в дверях, Джордж какое-то время незаметно разглядывал жену. И внезапно его захлестнуло желание – такое же острое, как и в тот день, когда увидел ее в самый первый раз. Они познакомились на вечеринке в честь 4 июля⁷, начали встречаться, но только спустя полгода он набрался смелости и предложил остаться у него на ночь. Аманда согласилась, а потом спросила, почему он так долго ждал. Поженились они незадолго до следующего Дня независимости.

Аманда никогда не возмущалась из-за того, что ее муж постоянно пропадает на работе, хотя в семьях врачей это часто становится причиной конфликтов. У нее была своя жизнь и свои интересы. И забот у нее тоже хватало. Она много занималась домом, стараясь превратить его в уютное семейное гнездышко для них обоих, а кроме этого она преподавала историю искусств в Джорджтаунском университете и как-то выкраивала время, чтобы работать волонтером в женском приюте. Аманда великолепно играла в теннис, а о вечеринках, которые она устраивала по воскресеньям, ходили легенды. Она свободно владела несколькими языками, элегантно одевалась, обладала прекрасными манерами и умела держаться на людях.

Джордж любил ее... Господи, как же он ее любил!

Затаив дыхание, он с восхищением наблюдал за грациозными движениями ее тонких рук, когда она проводила щеткой по волосам. Сто раз подряд – как учила Аманду ее получившая викторианское воспитание матушка. Постепенно это вошло у нее в привычку. Джордж завороченно смотрел, как поднимается и опускается ее грудь в такт мерному движению руки. Под тонкой тканью проступали соски.

– Прости, я вспылел, – виновато пробормотал он.

Их взгляды встретились в зеркале.

– Мне не извинения нужны, Джордж. – Она обернулась. – Мне нужен *мой муж*.

Он подошел к ней, обхватил ее руками, крепко прижал жену к себе.

– Я твой.

Даже прижавшись щекой к его груди, Аманда покачала головой.

– Нет, теперь ты душой и телом принадлежишь Дэвиду. Это он отнял тебя у меня.

⁷ День независимости (4 июля) считается днем рождения Соединенных Штатов как свободной и независимой страны.

Отодвинувшись, Джордж ласково провел рукой по блестящим волосам жены.

– Аманда, ты ошибаешься. Это не так.

– Но это правда. Боюсь, что мы с мальчиками потеряли тебя навсегда.

– Я никуда от вас не денусь, – прошептал Джордж, прижавшись губами к губам жены. –

Ты и наши сыновья для меня все. Если я потеряю вас, мне конец.

– Но ты уже нас теряешь, Джордж. – Аманда заглянула ему в глаза. – Каждый день ты все сильнее и сильнее отдаляешься от семьи. Я пыталась – видит бог, я пыталась достучаться до тебя, но все напрасно. У тебя появились тайны. Ты ведешь себя, как чужой. – В голосе Аманды что-то дрогнуло, из глаз хлынули слезы.

– Прошу тебя, не плачь. – Джордж поцеловал ее дрожащие губы. – Все хорошо.

Он лгал. И знал это. Больше того, он был уверен, что и Аманда это понимает. Это было ясно уже по тому, как она цеплялась за него. В ее поцелуях не было нежности – только тоска и отчаяние.

Так было и потом, когда они занялись любовью. На ласки мужа Аманда отвечала с какой-то безудержной страстью – отдаваясь ему, она словно надеялась оторвать его от Дэвида Меррита. К тому времени, как он овладел ею, они оба уже изнемогали от желания.

Потом, довольные и насытившиеся, они долго лежали, прижавшись друг к другу и не обращая внимания на пот, покрывавший их обнаженные тела. Обнимая жену, Джордж шепотом клялся ей в любви и преданности, и она отвечала ему тем же.

Но оба в душе понимали, что его преданность президенту куда сильнее. Более того – она была абсолютной. У Джорджа уже не было пути назад.

Глава 10

Барри проснулась от того, что кто-то приставил ствол винтовки к ее груди.

Первым ее желанием было вскочить и бежать без оглядки – с трудом подавив его, она заставила себя остаться на месте и только осторожно скосила глаза. Взгляд ее скользнул по стволу, двинулся дальше, к прикладу винтовки и замер, словно споткнувшись. Таких глаз, как те, что смотрели сейчас на нее, она никогда еще не видела – они смахивали на кусочки арктического льда, а взгляд их был тверже, чем сталь винтовки, дуло которой уткнулось ей в грудь.

– Надеюсь, что она уважительная.

Барри попыталась проглотить вставший в горле комок, но тело будто заржавело и отказывалось ей повиноваться.

– Что? – просипела она.

– Причина, заставившая вас забраться в дом. – Незнакомец небрежно потыкал стволом ей в грудь, словно бы невзначай слегка приподняв ее. – Итак?

– Я приехала вчера вечером. Вас не было дома, так что я несколько часов прождала вас, сидя на веранде. Потом стемнело, а к ночи сильно похолодало. Мне ужасно хотелось спать. Дверь была открыта, ну и... Я подумала, что вы не будете против, если...

– Что ж, вы ошиблись. Я против, – отрезал он.

– Меня зовут Барри Тревис. – Глаза мужчины словно подернулись инеем. Барри могла поклясться, что ему известно ее имя, хотя он старался не подавать виду. – Я приехала из самого Вашингтона, чтобы увидеться с вами.

– Выходит, зря тащились в такую даль. – Он неохотно положил винтовку на плечо. – Ну, где дверь, вы уже знаете, так что провожать вас я не стану. – Он отодвинулся, давая ей возможность подняться на ноги.

Барри осторожно поднялась с дивана. А потом вдруг развернулась и с размаху отвесила ему увесистую оплеуху.

– Как вы посмели наставить на меня винтовку?! Вы что, чокнутый? А если бы она выстрелила?

У мужчины от неожиданности отвисла челюсть.

– Дамочка, если бы я хотел вас убить, то сразу пристрелил бы, не тратя время на разговоры. Впрочем, я бы не стал пачкать собственный диван.

Одним быстрым, гибким движением он наклонился, поднял валявшуюся на полу сумку Барри и сунул ей в руки.

– А теперь выметайтесь! И не забудьте прихватить с собой эту пакость, что вы взяли почитать в дорогу.

Уезжая из Вашингтона, Барри сунула в сумку подборку статей из бульварных газет, обнаруженных ею в библиотеке – в свое время все они с удовольствием обсасывали пресловутый «роман» Бондюрана и первой леди. Если честно, Барри была согласна с тем, как Бондюран охарактеризовал эти газетенки, но ее бесило, что он имел наглость копаться в ее вещах.

– Вы рылись в моей сумке! – прошипела она.

– А вы забрались в мой дом.

– Я не почитать это взяла, мистер Бондюран. Я репортер. Веду журналистское расследование.

– Еще одна причина указать вам на дверь, – отрезал он.

Очевидно, решив, что тема исчерпана, мужчина прошел в спальню.

Барри воспользовалась передышкой, чтобы собрать в кучку разбегавшиеся мысли. Ей уже не раз случалось попадать в переделки, но никогда еще в нее не тыкали винтовкой. Грей Бондюран действительно оказался опасным человеком – собственно, ее предупреждали об этом – правда, ей трудно было поверить, что он мог вот так запросто пристрелить ее.

Скорее всего, просто решил припугнуть, в надежде, что сможет избавиться от нее очень быстро. Однако Барри не так легко было запугать. И она не намерена была сдаваться.

Барри пригладила волосы, наскоро оправила смятую одежду и откашлялась.

– Мистер Бондюран!

Он и не думал отзываться. Но это ее не обескуражило. Барри на цыпочках подкралась к дверям в спальню.

– Я только... ой!

Он уже успел снять рубашку. Барри мысленно застонала – ни капли жира! А какое тело! С ума сойти! Рельефные мышцы груди, поросль курчавых волос, ручейком спускающаяся по плоскому животу к узким бедрам, и жутковатого вида шрам вдоль ребер.

Все таблоиды в свое время напечатали одну его фотографию, вероятно, единственную, которую им удалось раздобыть. Большая часть лица на ней была закрыта солнцезащитными очками. Решительный подбородок, мощная челюсть, узкие губы, растрепанные ветром волосы и очки – собственно, вот и все, что смогла разглядеть Барри.

Теперь, когда ей представился случай увидеть то же самое лицо, только живую, оно произвело на нее еще более сильное впечатление. Барри с трудом отвела глаза в сторону.

– Мистер Бондюран, я прождала несколько часов, чтобы иметь возможность поговорить с вами.

– Это ваша проблема.

– Меньшее, что вы можете сделать...

– Я вам ничего не должен, – отрезал он.

– Который час? – спросила Барри, стараясь отвлечь его внимание.

– Около четырех. – Мужчина стащил с себя башмак. Тот с грохотом упал на пол, вслед за ним последовал носок.

– Утра? – с глупым видом спросила Барри.

– Вы явились сюда из Вашингтона, чтобы спросить меня, который час? – Второй башмак полетел в сторону.

– Нет, я приехала сюда из Вашингтона, чтобы поговорить о Ванессе Меррит.

Этого он явно не ожидал. Барри поежилась под тяжелым взглядом его холодных голубых глаз.

– Вы попусту потратили время.

– Послушайте, это очень важно! Вопрос жизни и смерти.

Мужчина расстегнул брючный ремень, потом джинсы и вдруг одним быстрым движением спустил их до щиколоток.

Вероятно, он рассчитывал, что она с визгом выскочит из дома и кинется бежать. Но Барри сделала невозмутимое лицо, словно его нагота не произвела на нее ни малейшего впечатления. Хотя на самом деле это было не так. Произвела – да еще какое!

– Хотели меня шокировать, мистер Бондюран? Боюсь, вам это не удалось.

– Держу пари, что удалось, – негромко проговорил он. После чего, слегка потеснив ее, направился в ванную. Но потом вдруг неожиданно обернулся и сжал ее в объятиях.

Либо из-за того, что она внезапно оказалась прижатой к мужской груди, то ли просто от изумления, но Барри на миг лишилась дара речи. От взгляда Грея у нее подкосились ноги – она даже не сразу сообразила, что его руки уже пробрались ей под свитер. Просунув руки в широкие рукава, он ловко стянул с ее плеч бретельки лифчика, а Барри лишь в недоумении хлопала глазами. Опомнилась она, когда его заглубившие ладони сжали ее грудь. Завопив,

она шарахнулась в сторону и привалилась к стене, не сразу заметив, что увлекла за собой и его.

Бондюран припал губами к ее шее, и Барри, застонав, выгнула спину, изнывая от желания почувствовать, как его рот, его язык ласкают ее тело. Казалось, каждая клеточка в ней пробуждается от его прикосновений. Ее захлестнула волна страсти, и Барри ничего не могла с этим поделать. Она никогда еще не испытывала ничего подобного. Это было вожделение, острое, безудержное, примитивное. Инстинкт самки толкал ее в объятия самца – быстрее, настойчиво требовал он, давай же... прямо сейчас!

Спотыкаясь на каждом шагу, они двинулись к кровати. Барри стащила с себя свитер вместе с лифчиком. Минута, и они рухнули на разобранную постель, яростно стискивая друг друга в объятиях, словно два борца во время схватки не на жизнь, а на смерть. Сунув руку Барри под юбку, Бондюран стащил с нее трусики.

Затем коснулся ее лона.

Глубоко. Внутри.

Его прикосновение пронзило ее, словно удар молнии. Застонав от наслаждения, Барри приподняла бедра, отдаваясь непривычным ощущениям. Губами он ласкал ее живот, с каждой минутой поднимаясь все выше, к обнаженной груди. Барри приложила руку к его щеке и даже зажмурилась от наслаждения, когда жесткая щетина зашепотала ей ладонь.

Губы и язык его двигались так неторопливо, так мучительно медленно, словно в запасе у него были годы. Она сама не заметила, как наступил оргазм. Наслаждение оказалось настолько сильным, что Барри, уже несколько не смущаясь, накрыла его руку своей и сдвинула бедра, чтобы глубже почувствовать его внутри себя.

Немного придя в себя, Барри вдруг сообразила, что выглядит в точности, как жертва кораблекрушения – измученная, растрепанная, запыхавшаяся. Когда она наконец решилась открыть глаза, то прямо над собой увидела его лицо. Сжав ее руку, он потянул ее вниз.

– Есть ли что-то такое, что вам не по душе? – хрипло спросил он.

– Вы о чем? – Барри поморщилась. Пересохший язык с трудом ворочался во рту.

Положив руки ей на колени, он слегка развел их в стороны, потом его темноволосая голова вдруг оказалась между ее ног. Удивленный возглас, сорвавшийся с губ Барри, моментально сменился стоном животного наслаждения. Грей не был ни робок, ни застенчив. Несколько не смущаясь, он подsunул ладони под бедра Барри и притянул ее к себе.

Поколебавшись немного, Барри нерешительно погладила его напрягшийся пенис, нерешительно коснулась шелковистой головки. А потом, вдруг решившись, взяла его в рот. Из груди Бондюрана вырвалось хриплое рычание.

Но даже эти минуты, полные острого, безудержного наслаждения, не подготовили ее к тому моменту, когда его напряженная плоть вонзилась в нее... Он задвигался ритмичными, яростными толчками, с каждым разом все глубже проникая в ее тело. Это не было неторопливым предвкушением – они не смаковали ощущения как в прошлый раз. Нет. Это больше походило на метеоритный выброс энергии, гром среди ясного неба, на чудовищной силы взрыв, который, прогремев, оставляет после себя лишь беззвучную, лишенную воздуха невидимую пустоту.

Когда Барри, наконец придя в себя, решилась открыть глаза, он уже поднялся на ноги и, стоя возле постели, смотрел на нее. Кожа его блестела от пота, волосы казались влажными. К удивлению Барри, суровое лицо Бондюрана казалось напряженным, он беспокойно сжимал кулаки.

– Только не воображай, что я передумую! Я иду в душ – чтобы к моему возвращению духу твоего не было в этом доме. – Он повернулся, а минутой позже Барри услышала, как с грохотом захлопнулась дверь ванной.

Барри крепко зажмурилась и замерла. В такие моменты она старалась убедить себя, что это просто дурной сон. В эту игру она привыкла играть с самого детства. Когда вечно скандалившие родители набрасывались друг на друга с кулаками, жизнь превращалась в ад. Барри забиралась в постель, крепко зажмуривала глаза и твердила себе, что это всего лишь ночной кошмар, и скоро она проснется совсем в другом мире, полном любви, света и тепла, в мире, где люди привыкли относиться друг к другу с любовью и уважением.

Впрочем, эта уловка не срабатывала тогда – не сработала и сейчас. Открыв глаза, Барри обнаружила, что она по-прежнему в спальне Грея Бондюрана, а ее одежда – вернее, то немногое, что от нее осталось, – в полном беспорядке.

Как и все остальное.

Собравшись с мыслями, она сползла с постели и крадучись вышла из спальни. В душе по-прежнему шумела вода – сумка Барри валялась там же, где она ее бросила. Сунув туда порванный лифчик, Барри со вздохом направилась к выходу.

Уже взявшись за ручку двери, она нерешительно замялась. Что это было? Барри представила, как будет корчиться от стыда, и ей на миг стало страшно. Она сама не понимала, как такое могло случиться, поэтому просто не стала терзать совесть в тщетных попытках оправдаться или найти хоть какое-то объяснение.

Это просто случилось. Нет, не так – она позволила этому случиться. Одна маленькая поправка, одернула себя Барри – не просто позволила, а сделала все, чтобы это случилось. Так сказать, свершившийся факт. Тут уже ничего не изменишь.

Дорого же ей обойдется этот опыт. Все, что оставалось, это жить дальше, смирившись с последствиями, постараться извлечь из полученного опыта максимум пользы и надеяться, что ей удастся сохранить хоть каплю достоинства. А пока попробовать хоть что-то узнать – в конце концов, не зря же она тащила в такую даль!

Когда он зашел на кухню, Барри поджидала его там, готовая защищаться.

– Просто для протокола, мистер Бондюран... не знаю, что это было.

– Зато я знаю, мисс Тревис. Исключительно для протокола! – Он невозмутимо вынул из шкафчика кружку и налил себе кофе из кофейника. – Где там ваш блокнот? Думаю, вам стоит записать. – Он повернулся к ней: – Это называется «от души потрахаться».

Барри непроизвольно вздрогнула, как от удара, и невольно закусила губу.

– Надеетесь, что я уйду, если вы будете вести себя, как скотина? Уверю вас, это не сработает.

– А что сработает?

– Поговорите со мной.

– Будь я проклят, если соглашусь это сделать, – с яростью выпалил он. – Знаете, почему я уехал из Вашингтона? Из-за журналюг. Такие, как вы, готовы душу дьяволу продать ради сенсационного репортажа. А коли не получается, то вы свои «жареные факты» готовы из пальца высосать! – Он окинул ее уничтожающим взглядом. – Хотя вы, мисс Тревис, нашли свой собственный, оригинальный способ. Вы даже ничего не продаете – так сказать, отдаете задарма.

– Это вышло... случайно. – Барри смущенно потупилась.

– Не думаю. Мой дружок чувствует, когда его ждут с распростертыми объятиями.

Барри до боли закусила губу, чтобы промолчать. А заодно и удержаться от слез – хватит с нее на сегодня унижений!

– Пожалуйста, мистер Бондюран! – взмолилась она. – Неужели вы не понимаете, что я просто пытаюсь сохранить то, что еще осталось от моей профессиональной чести.

– Не знал, что она у вас имеется.

– Неужели я похожа на женщину, которая явилась сюда исключительно ради того, чтобы вас соблазнить? – подбоченившись, фыркнула Барри.

– Честно говоря, не очень. – Бондюран окинул взглядом ее мятую, растерзанную одежду. – Но помнится, когда дошло до дела, вы не очень возражали.

– Послушайте, я приехала исключительно ради того, чтобы задать вам несколько вопросов о Мерритах.

– Сколько раз повторять? Я ни слова вам не скажу!

– Даже для того, чтобы убедить меня, что все, о чем писали таблоиды, – ложь от первого до последнего слова?

– Естественно, ложь.

– У вас не было романа с миссис Меррит?

– Не ваше собачье дело!

– Это из-за вас она несчастна?

– При чем тут я? Она горюет и неудивительно, ведь она потеряла ребенка.

– А вы уверены в этом?

– Уверен ли я?

– Да, уверены ли вы, что он умер? Вам не приходило в голову, что маленького Роберта Раштон Меррита могли убить?

Глава 11

Грей, негромко выругавшись сквозь зубы, повернулся к Барри спиной. Таким, как эта репортерша, только дай палец, они и руку откусят. Она задавала вопросы с такой же страстью, с какой занималась любовью.

Еще не успев разбудить ее, Бондюран сообразил, кто перед ним – та самая настырная журналистка, сумевшая пару дней назад взять интервью у Ванессы Меррит. Вероятно, ей просто не удалось выяснить то, что она хотела. Он так и думал, что рано или поздно кто-то из ее братии появится на пороге его дома, заставив его вновь пройти через этот кошмар. Неделями Бондюран копил злость в ожидании неизбежного вторжения.

Может, поэтому он не чувствовал себя виноватым из-за того, что произошло между ними. Да, он был груб, но вынужденное воздержание сводило его с ума. А она, похоже, не возражала – и это еще мягко сказано. Ничем иным это и не могло закончиться.

Вообще-то Бондюран сильно сомневался, что она притащилась в такую даль ради того, чтобы его соблазнить. Длинная юбка, свитер, грубые ботинки вряд ли могли разбудить чьи-то сексуальные фантазии. Глаза у нее припухли, под ними темнели «потеки» туши, помада размазалась, а волосы торчали в разные стороны.

Зато у нее был просто невероятный голос. Голос, словно сотканный из солнца пополам с медом. Он не только обещал потрясающий секс – даже просто слушать его было наслаждением.

Но если эта дамочка рассчитывает, что, переспав с ним, сможет обвести его вокруг пальца, то сильно ошибается. Ее попытка вломиться к нему в дом, нарушить его частную жизнь не вызывала ничего, кроме презрения. Только сейчас он презирал ее еще сильнее, чем раньше. Собственно, ничего другого она и не заслуживала.

Допив кофе, Бондюран вытащил кастрюлю, потом сковородку и поставил их на плиту. Вытащил банку с чили, высыпал содержимое на сковородку, после чего разбил в чашку несколько яиц. Взбив их венчиком, он налил себе еще кофе и принялся потягивать его, пока перец шипел на сковородке.

– Можно мне кофе? – Барри робко протянула ему пустую кружку.

– Валяйте. Вы ж его сварили, не я. К тому же мне вовсе не хочется, чтобы вы на обратном пути уснули за рулем.

Барри грела озябшие руки о кружку с горячим кофе – огромная кружка едва умещалась в ее маленьких ладошках. Словно почувствовав на себе его взгляд, Барри робко подняла глаза.

– Простите, что ударила вас. Знаете, я ведь никогда раньше этого не делала. Но вы сами на это напросились, мистер Бондюран.

– Вы не первая, кто это говорит. – Он помешал готовящийся на сковородке чили. – Как вы меня нашли?

– Через свои источники. Не беспокойтесь. Я старалась действовать осторожно.

– А я и не беспокоюсь, мисс Тревис. Кстати, вы мисс? Или, воспользовавшись случаем, только что наставили мужу рога?

Почему-то эта небрежная фраза задела Барри куда сильнее, чем все его предыдущие оскорбления. Глаза ее вспыхнули гневом.

– Нет, я мисс. А насчет того, чтобы наставить кому-то рога, это, знаете ли, не ко мне. Полагаю, у вас куда больше опыта по этой части, мистер Бондюран. Кстати, можете называть меня Барри. Спасибо.

Грей добавил на сковородку масла и слегка уменьшил под ней огонь, прикидывая, как бы половчее избавиться от настырной дамочки – ну, не гнать же ее пинками, в самом деле?

При желании Бондюран мог разобраться с человеком быстро, бесшумно и безболезненно – для этого имелось немало способов. Но при мысли о том, чтобы поднять руку на женщину, к горлу подкатывала тошнота.

– У вас тут красиво, – заметила она, тем самым вернув Бондюрана к действительности.

– Спасибо.

– Сколько у вас акров?

– Около пяти.

– Вы живете один?

– До сегодняшнего утра да.

– Кстати, вы знали, что неподалеку отсюда имеется городок под названием Бондюран?

Это случайно не...?

– Просто совпадение, – перебил он.

– А животных вы держите? Ну, кроме лошадей.

– Небольшое стадо коров.

– Ага, теперь понятно, откуда то мясо, что вы держите в морозилке, – усмехнулась она.

Грей, обернувшись, смерил ее неприязненным взглядом.

– Мне просто понадобился лед. Вот и все, – вызывающе вскинув подбородок, отрезала

Барри.

– Вот как? И что вы еще обнаружили, пока шарили у меня по дому?

– Ничего подобного я не делала.

Бондюран опять повернулся к плите, помешал содержимое сковородки, после чего вылил в нее взбитые яйца. Потом сунул в тостер два ломтика хлеба, дождался, пока омлет будет готов, и наложил полную тарелку, щедро полив все соусом «табаско». Как по команде выпрыгнули тосты. Бондюран и их положил на тарелку, достал из шкафчика вилку, поставил все на столик, повернул стул и уселся на него верхом.

Краем глаза он наблюдал за тем, как Барри, крадучись, подбирается к столу. Наконец, поколебавшись, она бесшумно скользнула на стул напротив него. Делая вид, что забыл о ее существовании, Бондюран невозмутимо продолжал трапезу. Покончив с этим, поднес к губам кружку, сделал большой глоток и повернул голову к Барри.

– Есть хотите? – отрывисто бросил он.

– Да, немного.

– Присоединяйтесь.

Барри с сомнением оглядела содержимое его тарелки.

– Не уверена, что мне хочется это есть, – проямлила она.

– Если передумаете, сковородка на плите, – пожал плечами Бондюран.

Помявшись, Барри вылезла из-за стола и через минуту вернулась, положив на тарелку небольшую горку омлета. Он смотрел, как она нерешительно положила в рот крохотный кусочек, прожевала, проглотила и вдруг накинулась на еду с жадностью молодого волчонка.

– Уединенное место, – заметила она. – Вы не чувствуете себя одиноким?

– Нет.

– И вам тут не скучно?

– Нет.

– Но до выхода в... отставку вы вели достаточно интересную жизнь. Неужели не скучаете по суете большого города?

– Скучал бы, вернулся.

– И как вы проводите время?

– Как мне вздумается.

– А чем вы зарабатываете на жизнь?

– А вам не кажется, что это нескромный вопрос?

– Почему? И потом, мы ведь с вами знаем, как бывают порой бесцеремонны репортеры. – Барри выразительно округлила глаза.

– Работаю на ранчо, – буркнул Бондюран.

Видимо, такого простого ответа Барри не ожидала.

– Разводите скот? – удивилась она.

Бондюран неохотно кивнул.

– В самом деле? А вы... эээ... хорошо в этом разбираетесь?

– Научился, когда был еще совсем мальчишкой.

– Где?

– На ферме отца.

– Это мне ни о чем не говорит.

– На то и рассчитано, мисс Тревис, – любезно заметил он.

Барри раздраженно фыркнула.

– Вы отлично зарекомендовали себя во время проведения тайных военных операций, потом стали советником президента. Не скучно после такой бурной жизни разводить коров? Как-то не верится, что вы находите это занятие захватывающим.

– Можете не верить, это ваше дело.

– Стало быть, вы весь день проводите в седле?

Бондюран предпочел проигнорировать ее вопрос.

– Иначе говоря, вы просто пасете скот, как и положено хорошему ковбою.

– Если приходится, то и пасу.

– Значит, именно этим вы и занимались, когда я приехала? Пасли скот?

– Нет. Вчера я ездил в Джексон-Хоул.

– Так ведь я через него и ехала. Забавно – выходит, мы с вами разминулись. – Барри отодвинула тарелку, на которой не осталось ни крошки. – Было очень вкусно. Спасибо за завтрак.

– Готов поспорить, будь это не омлет, а коровья лепешка, вы бы и ее съели, да еще бы поблагодарили! – фыркнул Бондюран.

– С чего бы мне это делать?

– Чтобы задобрить меня. Потому что вам от меня кое-что нужно. Уловка с сексом не сработала, вот вы и пытаетесь подлизаться. Знаете, мисс Тревис, если честно, первый способ мне понравился больше.

– Никакая это не уловка! – оцетинилась Барри. – Говорю же вам, это вышло...

– ...случайно, – закончил он. – Скажите, давно у вас эта привычка забираться в постель к первому встречному?

– Послушайте...

– Ваш отец вас не любил?

Барри понурилась, потом вскинула голову и посмотрела Бондюрану в глаза.

– Думаю, не стоит вас осуждать за столь низкое мнение обо мне, – криво усмехнулась она.

– Ага, теперь из лучшего друга мы превратились в кающегося грешника!

– Черт бы вас побрал! – рявкнула Барри, с грохотом отодвинув стул. – Я просто пытаюсь быть честной.

– Нет, мисс Тревис. Вы либо смелая, либо дура. Пока не могу точно сказать. Как бы там ни было, я не собираюсь обсуждать с вами Мерритов. И мне не интересно то, что вы, возможно, хотите мне рассказать. – Бондюран тоже поднялся из-за стола.

– Послушайте, вы что, не слышали, что я сказала о смерти ребенка?

– Слышал. Но пропустил мимо ушей. И собираюсь поступать так и впредь. – Собрав тарелки, Бондюран составил их в раковину и пустил воду.

– Но почему?

– Потому что это такой журналистский прием – вы и ваши коллеги швыряетесь обвинениями в надежде, что какой-нибудь простофиля заглотит наживку.

– Неужели вы думаете, что я бы стала выдвигать столь серьезное обвинение, не будь для этого оснований?

Бондюран, завернув кран, повернулся к ней.

– А почему нет? За то короткое время, что мы знакомы, я уже успел понять, что вы готовы на все, лишь бы заполучить сенсацию. Только я-то вам зачем? Почему бы вам не переспать с продюсером вашего канала?

– А смысл? Ни один из продюсеров не был любовником Ванессы Меррит.

Лицо Бондюрана при этих словах исказила такая ярость, что Барри не на шутку струхнула. Чтобы не сделать нечто такое, о чем ему придется пожалеть, он протиснулся мимо нее и выскочил из кухни. Бондюран слышал ее шаги и понимал, что Барри бежит за ним. Она оказалась куда проворнее, чем он думал, – ловко обогнув его, журналистка преградила ему дорогу. И даже для верности уперлась руками ему в грудь.

– Думаете, я явилась сюда, рассчитывая разжиться у вас «жареными фактами» в обмен на секс? – зло бросила она. – Не обольщайтесь! На самом деле мне безумно стыдно – как я могла так опозорить себя и свою профессию?! Вы меня совсем не знаете, поэтому просто поверьте мне на слово – будь моя воля, ноги бы моей не было в вашем доме! Мне даже в глаза вам смотреть неловко.

Что-то в ее голосе заставило Бондюрана прислушаться. Застыв, он молча ждал, что будет дальше.

Убрав руки, она отодвинулась и нервным движением оправила юбку.

– Разве одно то, что я еще здесь, не говорит о том, насколько все это серьезно, мистер Бондюран? И не только для меня и моей карьеры. Для всех. Прошу вас, выслушайте меня. А потом, если вы укажете мне на дверь, я уеду, и больше вы меня не увидите. Обещаю. Дайте мне пять минут, хорошо?

Ловкий ход, промелькнуло у него в голове. Правда, пяти минут явно недостаточно, чтобы обмануть его. Суровый курс обучения, который он в свое время прошел, лишь усилил свойственную ему недоверчивость – Бондюран давно понял, что не все является таким, каким кажется на первый взгляд. По собственному горькому опыту Бондюран знал, какие гиены попадают среди журналистов. Они без малейших угрызений совести выставят на всеобщее обозрение ваше грязное белье, а потом, оставив вас голым и беспомощным, ринутся на поиски следующей жертвы.

И все же, несмотря на недоверие, Бондюран вдруг поймал себя на том, что в нем шевельнулось любопытство. Интересно, что она может знать – или подозревать – о загадочной смерти ребенка Ванессы Меррит? Догадываясь, что он, скорее всего, горько пожалеет о своем решении, Бондюран неохотно кивнул.

– Ладно, пять минут. Поговорим снаружи.

Он уселся в кресло-качалку. Барри устроилась на верхней ступеньке, зябко обхватив колени руками. Замерзла, наверное, покосившись на нее, решил Бондюран, но предлагать ей плед не стал.

Она даже прихватила с собой блокнот, но почему-то медлила, не решаясь приступить к рассказу, хотя Бондюран и пообещал, что выслушает ее.

– Тут так красиво...

Утром на долину опустился туман. Сквозь него едва проглядывали вершины далеких гор, но появившееся из-за горизонта солнце уже окрасило дымку в нежно-розовый цвет. Казалось, все кругом утопает в хлопьях сахарной ваты. Утренний воздух был напоен свежестью.

– Держу пари, ваш амбар построили раньше, чем дом.

Ого, какая наблюдательность!

– Он уже стоял тут, когда я приобрел землю. Его построили на фундаменте прежнего дома. Я только слегка подновил его.

В загоне резвились лошади – устроили игру в догонялки, усмехнулась Барри.

– Как их зовут? – спросила она.

– Никак, – буркнул он. И заметил, как она удивилась.

– Вам не пришло в голову дать вашим лошадям имена?! Как грустно... Но почему?

– Вы об этом хотели меня спросить, мисс Тревис?

Барри ошеломленно pokrutila головой.

– Первый раз вижу человека, которому не приходило в голову, что у домашнего животного должно быть имя. Возьмите Кронкайта. Его кличка – часть его личности. – Бондюран быстро понял, что она рассказывает о собаке. Лицо его постепенно смягчилось и уже не казалось таким суровым. – Знаете, это просто огромный, ленивый, избалованный и ласковый ребенок. Заведите пса, – посоветовала она. – Не будете таким одиноким.

– Мне нравится одиночество, – буркнул Бондюран.

– Да, помню. Вы недвусмысленно дали это понять.

– Мисс Тревис, время идет, – напомнил он.

Ладно, сам напросился.

– Думаю, Ванесса Меррит убила собственного ребенка.

Грей стиснул зубы, но промолчал.

Она говорила без умолку еще несколько минут. Грей не знал, сколько именно, но уж точно больше пяти. Барри даже выдвинула несколько версий, зачем первой леди понадобилось убивать ребенка, после чего рассказала о начатом ею расследовании и о том, как кто-то пытается ей помешать.

– И теперь миссис Меррит пропала. Вероятно, ее где-то заперли. Скажите, вам не кажется это странным?

– Нет, – солгал он.

– После похорон она какое-то время избегала бывать на публике, но тогда это было естественно. Джеки Кеннеди вела себя так же, когда потеряла ребенка. Но с тех пор прошло уже достаточно времени. Если ей просто нужен отдых, как говорится в официальном заявлении, почему она не поехала к отцу? Или в свой дом в Миссисипи?

– А с чего вы взяли? Может, она так и сделала.

– Вообще-то это догадка, – призналась Барри. – Но, как мне кажется, за миссис Меррит должен присматривать доктор Аллан, а он сейчас в Вашингтоне. Не понимаю, для чего все эти тайны!

– По-моему, вы делаете из мухи слона.

– Seriously? Тогда как вы объясните странное поведение Анны Чен? Она была одним из моих самых надежных источников, всегда охотно делилась информацией.

– Может, вы ее чем-то разозлили? Или обидели?

– Ну, я недостаточно хорошо ее для этого знаю.

– И что? Я вот вас вообще не знаю, а тем не менее вы меня просто бесите.

– Она чего-то боялась, – стояла на своем Барри. – Я видела это по ее лицу.

– Ладно, пусть так. Возможно, она боялась, – нетерпеливо бросил Грей. – И что? Может, перед вашим появлением она увидела мышь. Что же до Ванессы... Возможно, она ведет себя несколько необычно, но что странного, если мать хочет, чтобы ее оставили в покое, пока она оплакивает своего ребенка?

Вот черт. Эта Барри Тревис, эта вьедливая журналистка с сексуальным голосом задавала вопросы, которые давно уже не давали покоя ему самому. Внутренности как будто стя-

нуло в болезненный узел. Стараясь скрыть охватившее его смятение, Грей поднялся на ноги и, облокотившись о перила, устремил взгляд в даль.

– Господи, через какой ад ей, должно быть, пришлось пройти! – Он рассеянно провел рукой по волосам, потом закрыл глаза, пытаясь обуздать собственных демонов, готовых в любой момент вырваться на свободу.

Прошло немало времени, прежде чем Грей вспомнил, что он не один. Обернувшись, он заметил, что она разглядывает его, и на лице у нее какое-то странное выражение...

– Это была не просто интрижка. Вы и вправду любили ее, я угадала? – негромко спросила она. – И до сих пор любите.

Проклиная себя за то, что не решился сразу выставить Барри Тревис из дома, Грей нагнулся, уже во второй раз подобрал ее кожаную сумку и поспешно сунул ей в руки.

– Ваши пять минут закончились.

Схватив Барри за руку, он рывком поставил журналистку на ноги. Она покачнулась и схватилась за балку, чтобы не упасть.

– И это все? После всего, что я рассказала?!

– Мисс Тревис, вы на ложном пути. Он никуда вас не приведет, поверьте. Все эти так называемые несостыковки – всего лишь искаженные факты. Единственное, что связывает их между собой, это ваше бурное воображение, а также большое самолюбие, толкающее вас на поиски громкой сенсации. Ради собственного блага бросьте это дурацкое расследование, иначе кто-нибудь из администрации президента обозлится, и тогда вам точно не поздоровится. Самое лучшее, что вы можете сделать, это забыть о Роберте и о том, как он умер.

– Не могу. Слишком уж много тут странного.

– Как хотите. Дело ваше. В любом случае я в этом не участвую. – Он вошел в дом, и она услышала, как в двери повернулся ключ.

Глава 12

Услышав, что его желает видеть директор, Хови почувствовал, что у него от страха скрутило кишки. Выбравшись наконец из туалета, он галопом помчался на второй этаж и, то и дело спотыкаясь, прошел через устланный коврами кабинет. Надменная секретарша объявила, что его «давно ждут», и велела войти.

Дженкинс восседал за массивным деревянным столом. У окна стоял незнакомый мужчина, второй развалился в кресле.

– Входи, Хови, – буркнул Дженкинс, и Хови на подгибающихся ногах вполз в кабинет. Как правило, срочный вызов к начальству не сулил ничего хорошего – в лучшем случае это означало плохие новости, например резкое падение курса акций, внеплановое урезание бюджета или желание надрать кому-то задницу.

– Доброе утро, мистер Дженкинс, – проблеял он, изо всех сил пытаясь выглядеть невозмутимым. Хови преданно таранился на босса, стараясь не замечать двух злобного вида незнакомцев, которые между тем беззастенчиво разглядывали его с головы до ног. – Чем могу помочь?

– Эти люди из ФБР.

Хови почувствовал, как у него подкосились ноги. Федералы из налоговой! Вот влип! Налоговую декларацию Хови последний раз заполнял года три назад.

– Они хотят задать тебе несколько вопросов. Речь о Барри Тревис.

Хови едва не запрыгал от радости. Только сейчас он почувствовал, что по спине уже давно ползут струйки холодного пота.

– Слушаю.

– Вы посылали ее с каким-нибудь заданием? – спросил Дженкинс.

– Ну...

Вопрос оказался с подвохом – Хови требовалось время, чтобы подумать. Ответишь утвердительно, а потом выяснится, что Барри вляпалась в какое-то дерьмо – и ему крышка, поскольку она потянет за собой и его. Сказать, что ничего о ее делах не знаешь? А вдруг Барри не ошиблась и действительно напала на след чего-то сенсационного? Тогда он упустит шанс разделить с ней славу.

Хови скосил глаза на стоявшего у окна агента. Этот тип напустил на себя суровый вид. Впрочем, как и его напарник.

– Нет, – покачал головой Хови. – Она попросила отпустить ее на пару дней, сказала, что ведет какое-то расследование. Но я ее никуда не посылал.

– Что за расследование? – вмешался тот, что стоял у окна.

– Не знаю. Это ее проект. Она сама готовит материал.

– Она это с вами не обсуждала? – вмешался другой агент.

– Тему? Нет. Обмолвилась только, что это будет настоящая бомба.

– А вы не догадываетесь, о чем речь?

Странно, промелькнуло в голове у Хови, вчерашний тип, с которым он познакомился в баре, спрашивал то же самое.

– Нет, сэр.

– Как-то слабо верится.

– Но это правда! – заюлил Хови. – Я, конечно, пытался расспросить ее, но Барри сказала, что не хочет это обсуждать, пока не появится что-то конкретное.

– Вы ведь ее непосредственный начальник, верно?

– Да, сэр.

– Получается, вы понятия не имеете, чем занимаются ваши подчиненные?

Хови, почувствовав, что его загнали в угол, моментально ошетинился.

– Понимаете, я считаю, что хороший начальник не должен мешать сотрудникам проявлять инициативу. Такова моя политика. Если репортер говорит, что напал на след чего-то сенсационного, я слегка отпускаю вожжи. Разумеется, в обмен на свое великодушие я ожидаю получить чертовски хороший материал.

Судя по всему, на Дженкинса эта тирада не произвела особого впечатления.

– Выходит, мисс Тревис на этой неделе не было в офисе? – не дослушав, перебил он.

– Верно. Она уехала... дайте-ка вспомнить... позавчера. Пообещала вернуться к концу недели.

– И куда она отправилась? – вмешался один из агентов.

– Она не сказала.

Федералы многозначительно переглянулись. Хови многое бы отдал, лишь бы узнать, что это значит.

– Ее расходы покрывает компания? – на этот раз это был Дженкинс. Его вечно недовольное лицо помрачнело еще больше.

– Только если материал получится действительно хороший. – Хови рассказал о соглашении, которое заключил с Барри. – Мне не хотелось, чтобы она транжирила деньги компании на какие-то сумасбродные фантазии, – добавил он, рассчитывая подлизаться к Дженкинсу.

– А как она относится к политике? – Это был тот, что стоял у окна.

– К политике? – Хови удивленно разинул рот.

– Ее политические взгляды. К кому она склоняется – к правым или к левым?

Хови немного подумал.

– Я бы сказал, Барри придерживается либеральных взглядов. Вечно кидается защищать угнетенных. Женщин, педиков, иммигрантов, ну и все такое. Между прочим, я точно знаю, что она голосовала за президента Меррита. – Хови широко улыбнулся, но почему-то ответных улыбок не последовало. – Кстати, президент недавно прислал ей цветы. Она чуть с ума не сошла от радости.

Ни один из федералов не прокомментировал данный факт. Теперь инициативу перехватил тот, что устроился в кресле.

– Мисс Тревис является членом какой-то организации? Например, группы активистов, религиозной секты или последовательницей какого-то культа?

– Точно! – обрадовался Хови. – Барри посещает методистскую церковь.

Один из федералов выразительно закатил глаза. Второй тяжело вздохнул.

– Вы бы могли назвать ее религиозной фанатичкой?

– Чушь! Барри иной раз сгоряча так может выругаться – уши вянут.

– Вы не замечали, чтобы она симпатизировала каким-то радикальным организациям?

– Понятия не имею. Недавно слышал, как она рассказывала, что участвовала в каких-то акциях протеста.

– Против чего?

– Кажется, запрета на какие-то книги. Или вырубки дождевых лесов. Или употребления в пищу белух и дельфинов вместо тунца. В общем, всякая фигня.

– Какие-нибудь антиправительственные высказывания?

– Нет. Ничего такого.

– А что вам известно о ее личной жизни?

– Она никогда об этом не говорит.

– У нее есть приятель?

– Постоянного, насколько я знаю, нет.

– Соседка по квартире? Приятельница?

– Нет, она живет одна.
– Какие-нибудь близкие друзья?
– Никогда не слышал, чтобы она о них упоминала, – покачал головой Хови. – По-моему, она из тех, кто... Как бы это сказать? Замужем за своей работой.

– Родители?

– Насколько я знаю, умерли.

– Вы знаете, как их звали? Где они жили?

– Простите. Они умерли еще до того, как она начала работать у нас. – В своем стремлении оказаться полезным и подчеркнуть собственную осведомленность Хови как-то совсем упустил из виду, что они говорят о Барри, а не о какой-то закоренелой преступнице. На душе у него вдруг стало мерзко – Барри, конечно, настоящая заноза в заднице, но, обсуждая ее с федералами, Хови чувствовал себя последним мерзавцем.

– У нее неприятности? Она что-то натворила?

– Просто обычная проверка. – Сидевший в кресле агент поднялся на ноги. – Видите ли, мисс Тревис часто звонила, чтобы справиться о здоровье первой леди, выказывая при этом не совсем обычный интерес. Например, пыталась выяснить, где миссис Меррит сейчас находится.

– Да бросьте, парни! – У Хови слегка отлегло от сердца. – Обычный дружеский звонок! Барри брала у нее интервью, они с первой леди как-то сразу сблизились.

В разговор вмешался второй агент.

– В Белом доме, как правило, беспокоятся, если кто-то начинает задавать неудобные вопросы о президенте и членах его семьи.

В конце концов, поблагодарив Дженкинса и Хови за то, что ответили на все вопросы, федералы ушли.

Хови хотел было потихоньку смыться, но взгляд Дженкинса, тяжелый, словно ядро каторжника, заставил его прирасти к полу.

– Ты о чем-нибудь умолчал? – рявкнул он.

– Нет, сэр.

– Что еще за сенсация?

– Богом клянусь, мистер Дженкинс, я ничего не знаю. Я ни о чем не умолчал. Барри сказала только, что после ее репортажа разразится такой скандал, по сравнению с которым Уотергейт покажется детскими шалостями.

– Значит, это как-то связано с политикой?

– Понятия не имею. Сказала только, что речь идет о чем-то серьезном.

Дженкинс угрожающе наставил на Хови указательный палец.

– Не хочу, чтобы на моем канале работали чокнутые.

– Но Барри не чокнутая, сэр! Она хороший репортер. Да вы и сами так говорили. В своей служебной записке, помните?

– Проклятье, в какой еще служебной записке? Что ты несешь, Фрипп?!

* * *

– Джордж!

Ванесса не была уверена, что он ее слышит, но через минуту перед ее глазами появилось улыбающееся лицо доктора.

– Рад, что вы проснулись. Как себя чувствуете?

– Так себе. – Из-за снотворного, которым ее пичкали, было трудно сфокусировать взгляд, очертания предметов казались расплывчатыми. Ванесса смутно помнила вчерашнюю безобразную сцену, остальное было, как в тумане. Вероятно, Джордж сделал ей укол,

чтобы она успокоилась. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. – Со мной что-то не так? Где Дэвид?

– Президент согласился со мной, что вам необходим отдых и постельный режим, поэтому вас перевезли сюда. – Доктор успокаивающе похлопал ее по плечу, хотя она вряд ли бы почувствовала это, если бы не смотрела в этот момент на свою руку. Из вены торчала игла, через трубку по капле сочилась какая-то прозрачная жидкость.

Краем глаза она заметила какое-то движение – по другую сторону кровати стояла женщина в белом больничном халате.

– Я Джейн Гэстон, – представилась она. На первый взгляд ей было сильно за пятьдесят – широкое, приятное лицо, светлые волосы с проседью, добродушная улыбка.

– Миссис Гэстон будет при вас круглые сутки, – объяснил доктор Аллан. – Она прекрасно заботилась о вас, тем более что до сих пор вы были идеальной пациенткой.

Ванесса растерялась. Она не понимала, что происходит. Комната выглядела смутно знакомой, но она почему-то не могла вспомнить, где видела ее раньше.

– Зачем мне поставили капельницу?

– Чтобы избежать обезвоживания, – объяснил доктор. – Ваш организм не задерживает жидкость.

Сиделка между тем мерила Ванессе давление.

– Я больна? – Ванессу внезапно захлестнула паника. Что они от нее скрывают? Вдруг она попала в аварию и лишилась ног? Может, у нее финальная стадия рака? Что, если в нее стреляли?

Догадки, одна страшнее другой, закружились в голове – увы, реальность была куда неприятней. Это Дэвид поместил ее сюда.

– Где Дэвид? Я хочу с ним поговорить!

– Президент отправился на Западное побережье, – с приятной улыбкой сообщил доктор Аллан. – Но, по-моему, он обещал, что уже завтра вернется. Вот тогда и поговорите.

– Зачем мне сиделка? Я умираю?

– Господи, конечно, нет. Нет, нет, миссис Меррит, лежите, – велел Джордж, легонько надавив ей на плечи, когда она попыталась встать с кровати, и взглядом подозвав к себе сиделку. – Необходимо дать ей еще дозу снотворного.

– Но, доктор Аллан...

– Миссис Гэстон, прошу вас.

– Конечно, доктор. – Она торопливо вышла.

– Где мой отец? – спросила Ванесса, сама не узнавая собственный голос, таким слабым он казался, да и звучал как-то странно, будто издалека. – Я хочу к папе, – по-детски захныкала она. – Позовите моего папу. Скажите, пусть заберет меня отсюда.

– Боюсь, я не могу выполнить вашу просьбу, Ванесса. Нужно разрешение Дэвида.

Спустя минуту вернулась сиделка и сделала Ванессе укол в бедро.

– Чем больше вы будете отдыхать, тем быстрее поправитесь. Спите, мы о вас позаботимся, – ласково пробормотал Джордж.

– Что с мной? Ребенок... Он уже родился?

Джейн Гэстон испуганно покосилась на доктора Аллана.

– Бедняжка, – вздохнула она. – Думает, что все еще беременна.

Джордж Аллан угрюмо кивнул.

– Мой малыш, – зарыдала Ванесса. – Где мой малыш?

– Идем, миссис Гэстон. Пусть она поспит.

– Нет! Прошу вас, не уходите! – взмолилась Ванесса. – Вы все ненавидите меня. Знаю, что ненавидите. Что вы от меня скрываете? Мой ребенок умер, да?

Доктор Аллан указал глазами на дверь. Миссис Гэстон выскользнула из комнаты и бесшумно закрыла за собой дверь.

Ванесса мучительно пыталась что-то вспомнить... Произошло нечто очень важное. Нужно подумать, нужно вспомнить. Это необходимо, твердила она себе. Господи, да что же это с ней?

И вдруг... В горле Ванессы застрял крик. Она, словно наяву, увидела крохотное, безжизненное тельце, которое вынула из колыбели... услышала собственные безумные крики, эхом разносившиеся по коридорам Белого дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.